

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
СЕВ. ОКР. ПРАВ
СОЮЗА
РАБОТНИКОВ
СВЯЗИ.

№ 3.

2-й год издания]
М А Р Т 1924 г.] ;
ВОЛОГДА.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
8 Марта. Стихотворение.— <i>Александра Мушникова</i>	1
Денежная реформа.— <i>П. Лихачев</i>	2
Февральская революция.— <i>П. Л.</i>	3
Международный день работницы.— <i>М. Корнакова</i>	4
День Парижской Коммуны.— <i>П. Л.</i>	6
Денежная реформа и заработная плата— <i>А. С.</i>	8
О премиях.— <i>Н.</i>	11
К предстоящей ремкампании 1924 г.	13
Женщины заговорили:	
Письмо из Байсы, Вятской губ.— <i>А. Б.</i>	14
Письмо из Семеновского, Архангельской губ.— <i>Павловская</i>	15
В Колонном зале. Стихотворение.— <i>А Мушникова</i>	17
В дороге. Из путевых впечатлений.— <i>М. Ганичев</i>	18
„Вчерашний день помучил“... Стихотворение.— <i>Ал. Мильчаков</i>	21
В почтовом отделении. набросок.— <i>Дм. Калинин</i>	22
Песенки самовара. Стихотворение.— <i>К. Осокин</i>	23
За козой. Рассказ. Продолжение.— <i>К. К—н</i>	24
Фельетон: Удовлетворительная резолюция. Наше родное. „Русская словесность“ и... ревизор.— <i>К. К—н</i>	27
Вьюга. Стихотворение. <i>П. Шпекторов</i>	29
Курьезы: Урок хорошего тона. Дама с амбицией. Завидная популярность. Три минуты—три бумаги. Не на своем стуле.— <i>Сатир</i>	30
Отклики с мест: По пути.— <i>Наблюдающий</i> . Плохая торговля.— <i>Светлячек</i> . В почтовом вагоне.— <i>Дм. Калинин</i> . На далекой окраине— <i>П. Пономарев</i> . На Севере без дров.— <i>Савельев</i> . Не обязательно.— <i>Я. У</i> берегательной кассы.— <i>Б</i> Дорогая махорка.— <i>Д. Шелшинский</i> . Забытый поселок.— <i>Шелков</i> Не предусмотрено— <i>Ив. Шишкин</i> . Кольцеобразное движение.— <i>Ели. Жаровня</i> .— <i>Р—ов</i>	32—39
Перевыборы рабочкома.— <i>Вен. Рогачев</i>	39
К годовщине нашего журнала. <i>К. К—н</i>	40
Хроника	44
Почтовый ящик	46
Приложение: Финансовый отчет Окрправсвязи за февраль месяц 1924 г.	

—————

Адрес редакции: Вологда, Советский просп., Дом Союзов, 4-й этаж, комн. № 49.

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Северного Окружного Правления Союза работников Связи.

№ 3.

М А Р Т 1924 г.

2-й год изд.

8 Марта.

Женщины! женщины! Это наш день —
Огненны наши плакаты.
Мы идем из березной глуши деревень,
Где овес и убогие хаты.

Мы идем из кующего шума города,
Где колеса и визг машин,
Где высокие трубы заводов
Черным вихрем взметают свой дым...

Мы идем — позади вековое рабство —
Этот терем тесовый или черный клубук;
Опаляла печаль наше женское счастье —
Наша боль расцветала пожарами мук.

На востоке ждала нас неволя гаремов —
Над тоской одалиски смеялся фонтан:
Мы не смели взглянуть за ковровые стены,
Нас заковывал в шелк и сапфиры султан.

Но сегодня, все женщины целого мира, —
Перед нами грядущий путь —
Так пойдем же вперед к этой радостной шири!
Где умрет вековая грусть.

Не рабыни мы! нет! не рабыни сегодня...
Мы изжили терновую муку неволь, —
Оттого над деревней и каменным городом
Наша радость сверкнула плакатами зорь.

Александра Мушникова.

Денежная реформа.

В силу общего раззорения нашего хозяйства от империалистической и гражданской войн, государственный бюджет стал очень дефицитным, т.е. доход далеко не покрывал всех расходов.

В 21—22 г. этот дефицит выражался в 600.000.000 р. или 57%; в 22—23 г.—400.000.000 р. или 35%. Эту дефицитность рабоче-крестьянское государство вынуждено было покрывать эмиссией, т.е. выпуском денежных совзнаков, необеспеченных никакой ценностью. Вполне понятно, курс зол. руб. быстро поднимался, а совзнака—падал.

За последние три года наше хозяйство значительно улучшилось и это улучшение в значительной степени сократило дефицит госбюджета. Наша промышленность к 24 году достигла 35% довоенной выработки, вместо 10—15% в 21 году.

Посевная площадь увеличилась до 75%, вместо 40% в 20-м году. В результате такого достижения, дефицит государственного бюджета на 23—24 г. выразился только в 10%.

Кроме того, государство, имея в обращении на январь 1924 г. до 80% твердой валюты червонцев, обеспеченных ценностями банка, нашло возможным при таком незначительном дефиците госбюджета, полностью перейти на твердую валюту. Выпуск твердой валюты (казначейских билетов в 1, 3 и 5 руб. золотом) и разменной мелкой серебряной монеты начался. Выпуск медной разменной монеты предполагается в апреле месяце.

Постановлением Совнаркома СССР от 9 марта объявлен выкупной курс совзнаков—50.000 руб.—1 руб. зол. Выкуп совзнаков будет производиться кассами Наркомфина и Госбанка по 30-е мая включительно. Совзнаки в обращении действительны только по 10-е мая. После 31-го мая всякое хождение совзнаков прекращается и все наличие подлежит полному уничтожению.

Денежная реформа началась. Она обещает полный успех. Но нужно помнить, что все-же государство в своем бюджете имеет 10% дефицита. Этот дефицит должен покрываться жесткой экономией расходов нашими хозяйственными государственными органами, усилением налоговой работы, поднятием производительности в нашей промышленности.

Эта реформа окончательно побеждает царившую хозяйственную разруху и делает рабоче-крестьянскую власть экономически и политически еще более мощной, непобедимой. Поэтому враги соввласти воспользуются последним случаем нанести ей тот или другой вред. Для пресечения этого, необходимо усилить широкую информацию среди рабочих и крестьян о новом мероприятии рабоче-крестьянского государства. Необходимо каждому уяснить, что новая денежная реформа обеспечивает рабочему классу заработную плату от падения курса. Заработок стабилизируется и, при полном успехе проведения в жизнь денежной реформы, несомненно, будет прогрессировать.

Крестьянство освободится от этого „косвенного налога“ на курсе (при падающей валюте). Твердая валюта крестьянству даст возможность развить торговлю в мелком обороте крестьянского хозяйства. Твердые деньги откроют крестьянству возможность сбережений, для улучшения и развития своего хозяйства.

Успех реформы окончательно закрепит смычку города с деревней—союз рабочего с крестьянином.

П. Лихачев.

Февральская Революция.

Русское самодержавие с феодально-крепостническим строем еще в 19 веке казалось незыблемым.

Но, благодаря вмешательству иностранного капитала, за последние десятилетия в России стало наблюдаться быстрое развитие капитализма и усиление роста пролетариата. С развитием капитализма стала раз'едаться твердыня самодержавия—поместное дворянство и помещики. С ростом пролетариата, формировалась сплоченная сила, угрожающая самому самодержавию.

Рабочий класс, эксплуатируемый и угнетенный капиталистами, возненавидел буржуазию и ее покровителя—царя. Он начал непримиримую борьбу против такого неравенства и порабощения человека человеком. Эта борьба особенно резко выявилась в революции 1905 г.

Но царизм в прошлом, отвечая на каждый крестьянский бунт кровавым усмирением мятежников, это-же самое усмирение, правда, более свирепое, применял и к восставшим рабочим, как к более опасному врагу своего трона.

Революция 1905 г. потерпела поражение. Царизм торжествовал победу. Но эта революция для пролетариата не пропала даром. Он научился побеждать и учитывать свои ошибки.

Русская буржуазия, опутанная тенетами мирового капитала, наравне со всеми, в 1914 году втянулась во всемирную империалистическую войну. С первых дней мировой бойни, промышленность, транспорт и пр. были превращены, исключительно, для военных нужд. Рабочие и крестьяне, десятками тысяч, каждый день уничтожались на фронте. Рабочие фабрик в тылу, в силу милитаризации труда, работая по 12 часов и более, с низкой заработной платой, равно и крестьянские семьи, оставшиеся без работников, находились в неимоверно тяжелых условиях. В то-же время буржуазия, ничего не делая, обогащалась и жирела за счет пота и крови рабочих и крестьян.

Уже к концу 1916 года стал чувствоваться недостаток продуктов первой необходимости и хлеба. Росла дороговизна. У магазинов группировались хвосты, открыто обсуждавшие царские порядки. Рабочие, изнемогая от тягот войны, усилили борьбу против царизма и войны. Количество стачек и забастовок с каждым днем увеличивалось. В начале 1917 г. на улицах Петрограда стали появляться демонстрации, под лозунгами—„Долой войну“, „Дайте хлеба“ и т. п.

Но самодержавие, исполняя волю буржуазии, не думало прекращать „отечественную войну“ и со всяким восстанием против нее жестоко расправлялась посредством полицейско-жандармского аппарата.

Рабочий класс, учтя ошибки 1905 года, заключил союз с крестьянством, находившимся в то время в рядах армии, пошел в бой, казалось, на неприступную крепость самодержавия.

Самодержавие, заранее подготовившее себе могилу, не выдержало натиска рабочих и крестьян. 12 марта 1917 г. оно было свергнуто.

При таких условиях, семь лет тому назад, пало самодержавие в России, веками угнетавшее рабочих и крестьян, в интересах помещиков и капиталистов.

Свергнув самодержавие, рабочий класс, будучи неопытен, не имея знаний, вынужден был уступить власть буржуазии, которая распола-

гала финансами, крупными организациями и в своем распоряжении имела политический центр—Государственную Думу. Буржуазия, защищавшая самодержавие, увидав, что последнее безвозвратно пало, воспользовалась переворотом и государственную власть захватила в свои руки.

Рабочий класс, с первых дней существования буржуазной власти, обнаружил еще более рельефно противоречие классовых интересов. Он понял, что одно свержение самодержавия рабочему классу ничего не дает. Рабочие научились правильно определять свои задачи и цели, они научились отличать друзей от врагов, они решили—через головы буржуазии и их прихвостней—пойти к Октябрю.

Этот тяжелый путь потребовал восьми месяцев ожесточенной борьбы рабочего класса с буржуазией. Но победа над самодержавием укрепила веру рабочего класса в победу над буржуазией.

Эта победа свершилась 25 октября 1917 года.

Февральская революция была первым шагом к Великой Октябрьской Революции, первой искоркой Всемирной Социалистической Революции.

П. Л.

Международный день работницы.

Международный день работниц—это праздник не только трудящихся женщин, но и всего рабочего класса.

В этот день рабочий класс демонстрирует свою международную солидарность, сплоченность и классовую сознательность и подсчитывает силы организованного женского пролетариата.

Для рабочего класса России день 8-го марта является двойным праздником: в этот день началась Февральская Революция. Работницы Петрограда 23 февраля (8/III) первые стихийно выступили на улице, с лозунгами—„дайте хлеба детям и возвратите мужей из окопов“. Работницы, таким образом, первые подняли знамя восстания против царизма и пробили брешь к Октябрьской Революции—к завоеванию власти пролетариата.

Начало организации международного дня работниц было положено на второй международной конференции социалисток в 1910 году в Копенгагене, по предложению тов. Клары Цеткин. Конференция решила ежегодно во всех странах, одновременно, проводить женский день под лозунгом—„Избирательные права для работниц, с целью объединения их сил со всем пролетариатом в борьбе за социализм“.

Расширение избирательного права и распространение его на женщин являлось злободневным вопросом рабочих требований того времени, т. к., за исключением России, рабочие Запада имели, хотя и куцое, право голоса в государстве; только женщины, наравне с детьми и умалишенными, были бесправными.

Женский день, таким образом, явился одним из средств борьбы за избирательное право работниц.

Первый международный день работниц проводился 19-го марта 1911 года в Германии и Австрии. В этот день там состоялись грандиознейшие демонстрации и митинги; в этот день все женщины шли на

собрания, оставляя своих детей с мужьями. В Австрии в этот день не обошлось без столкновения с полицией, которая на тридцати-тысячном митинге начала отбирать знамена у работниц; те их не отдавали и завязалась борьба, которая была ликвидирована, благодаря вмешательству депутатов-социалистов парламента.

В 1913 году празднование этого дня было перенесено на 8-е марта и с тех пор, ежегодно, несмотря на различные репрессии буржуазных правительств, работницы демонстрируют свою солидарность, свою сознательность и подводят итоги достижений в борьбе за социализм, пополняя ряды рабочего класса—профсоюзы и коммунистические партии новыми сознательными и стойкими борцами.

У нас в России, в невыносимых тяжелых условиях царского режима и жандармского разгула, только в 1913 и в 1914 г.г. удалось отметить международный рабочий праздник. Были выпущены в этот день рабочие газеты — „Правда“ — большевитская и меньшевитский — „Луч“, посвященные исключительно М. Д. Р.

Митинги не были разрешены, и питерские работницы устроили „научное утро по женскому вопросу“, собравшее громадное количество работниц, но полиция разогнала это собрание и арестовала организаторов и ораторов, а в 1914 году наиболее активные работницы-социалистки попали в тюрьму и в ссылку, за подготовку Международного Дня Работниц.

Во время империалистической войны этот день за границей проходил вяло и бледно, не говоря уже о России, находившейся в тисках реакции и военной диктатуры, где нечего было и думать о проведении праздника. Только в Норвегии в 1915 году удалось устроить международную демонстрацию, на которой присутствовали представительницы Швеции и России.

Международный день работниц в России, начиная с 1917 года, проходит под различными лозунгами, призывающими к строительству новой жизни работниц.

В настоящем году М. Д. Р. празднуется в условиях невыразимой печали, в связи с утратой великого Вождя мирового пролетариата—Владимира Ильича Ленина. Эта утрата кладет отпечаток на проведение праздника, проходящего под лозунгами претворения в жизнь заветов Ильича, по вопросу раскрепощения женщины, ибо до него никто так отчетливо не мог поставить этих задач по раскрепощению женщины, каковые задачи являются частью общего дела всех трудящихся.

Тов. Ленин говорил, что только пролетарская революция уничтожит неравенство женщин. Но работнице и крестьянке нужно не только юридическое, но и фактическое равенство, которого еще женщина полностью не достигла. Женщина еще до сих пор несет на себе гнет домашнего хозяйства, закабаляющего ее со всех сторон и мешающего ей принять активное участие в общественном строительстве. Освобождение женщины от домашнего хозяйства может быть только через постановку социального воспитания детей, охраны материнства и младенчества, общественного питания и т. д. Только организация общественного быта полностью раскрепостит и уравнивает женщину. Поэтому мы должны усилить работу по строительству учреждений, раскрепощающих женщину; этих учреждений у нас далеко недостаточно, и они не имеют возможности обслужить всю женскую массу.

„Строительство таких учреждений—лучший памятник тов. Ленину“ — писала тов. Крупская—близкий друг и соратник Владимира Ильича.

Дабы женщина могла принять активное участие в общественной работе, необходимо поставить вопрос о поднятии культурной и производственной квалификации веками забитой и угнетенной работницы и крестьянки. Тов. Ленин учел то громадное значение, которое может и должна иметь женщина в деле строительства советской страны. Без ее участия не может быть осуществления коммунизма.

„Дело Советской власти не будет доведено до конца,—учил тов. Ленин.—до тех пор, пока не примут в нем участия миллионы и миллионы работниц и крестьянок“; тогда как сейчас мы насчитываем очень незначительный кадр передовых работниц, по сравнению с общей массой трудящихся женщин.

Кроме того, этот день проходит под лозунгами смычки работницы города с крестьянкой, осуществляя этот завет Ильича не на словах, а на деле. И с этого дня надо начать усиленную работу среди крестьянок, перенеся свои опыты по работе в городе—по устройству яслей, детских домов и т. д., чего наша крестьянка не имеет, и по rapprochementу ее домашнего быта еще до сих пор ничего не сделано. В международный день работницы проходит обмен делегаций: крестьянок в город и работниц в деревню, а работницы от станка выделяют лучших и стойких из своих рядов в партию Р. К. П., ибо ту утрату, которую мы понесли в лице Ильича, может пополнить только коллективный ум—рабочих и работниц, сплоченных вокруг коммунистической партии, не забывая в то-же время тяжелого положения рабочего класса за рубежом—в частности, работниц Германии и их детей, усиливая им нашу помощь.

М. Корнакова.

День Парижской Коммуны. (18 Марта).

Правитель Франции Луи Бонапарт (Наполеон III-й), желая укрепить разлагающуюся свою империю, и канцлер Германии Бисмарк, стремясь создать великую Германию, затеяли в 1870 г. Франко-Прусскую войну. С первых дней войны, обнаружилась гнилость и неспособность правительства Франции вести войну и спасти отечественную империю. Французские войска стали терпеть поражение. Под Седаном французская армия была окончательно разгромлена, с пленением Наполеона.

4-го сентября произошел переворот, низложивший монархию, и власть перешла в руки буржуазно-изменнического правительства Тьера, Трошю и др., но и оно оказалось неспособным спасти отечество. Наступление германской армии продолжалось и все больше и больше волновало трудящиеся массы, которые в течение 4-х месяцев три раза пытались свергнуть буржуазное правительство, но эти попытки не увенчались успехом. Все-же буржуазное правительство чувствовало угрозу со стороны пролетариата и после последнего восстания нашло возможным 12 февраля 1871 г. заключить перемирие с Германией.

26 февраля национальное собрание, перебравшееся из Парижа в Версаль, приняло предварительный мирный договор с Германией, согласно которого Франция была обязана уплатить один миллиард франков контрибуции и передать Эльзас-Лотарингию Германии. На основании условий договора 1-го марта, германские войска заняли часть Парижа, но, встреченные враждебно населением, вынуждены были 3 марта покинуть его. Национальная гвардия, состоявшая в большинстве из трудящихся и имевшая артиллерию, которую забыл вывести Тьер, сделалась хозяином положения в Париже. Тьер пытался обманном путем отобрать артиллерию, но это ему не удалось. Тогда он решает силой отобрать ее, в ночь на 18-е марта. Но все старания генералов не увенчались успехом. К утру было ясно, что победа будет на стороне трудящихся Парижа. К вечеру Париж был окончательно очищен от буржуазного правительства, и власть в нем перешла в руки Центрального Комитета Национальной Гвардии.

Так образовалось, первое в мире, правительство трудящихся. 26-го марта были произведены выборы в Совет Коммуны. Коммуна, с первых дней и до конца своего существования, проявила свою гуманность и доказала, что пролетариат стоит выше цивилизованной буржуазии. Ни одного из заложников буржуазии они не расстреляли, банков не захватили, не разграбили, женщин „собственностью“ не об'явили, а наоборот об'явили Дон-Кихотскую борьбу с проституцией.

Она нача свою деятельность с уничтожения Вандомской Коллоны (символ милитаризма и деспотизма), отделила церковь от государства и школу — от церкви, установила выборный суд, быстро справилась с продовольственным вопросом и водворила порядок.

С такой коммуной буржуазия не могла примириться.

Ей нужна была „коммуна“, которая-бы грабила, убивала, расхищала и этим-бы нанесла смертельный удар коммунизму. Создавшуюся Коммуну решено было уничтожить во что бы то ни стало.

Пролетариат Парижа решил защищаться до конца. Но кто беспрерывно сражается, беспрерывно проливает кровь, тот должен истечь кровью. Кровожадная буржуазия через 70 дней победила Коммуну. 28-го мая, по гневным словам одного поэта, она праздновала „собачий пир“. Основной причиной падения Коммуны являлось экономическое и политическое положение Франции, не соответствовавшее социалистическому перевороту, отсутствие единой руководящей политической партии пролетариата и слабая организация управления Коммуной, особенно в области военной.

Парижская Коммуна пала, но память о ней осталась навсегда в сердцах пролетариата. Она была первым предвестником Всемирной Социалистической Революции. Она была первым опытом диктатуры пролетариата. Через 46 лет падения Коммуны, русский пролетариат, учтя опыт и ошибки Парижской Коммуны, создал новую, непобедимую Российскую Коммуну.

Память о Парижской Коммуне и ее героях мучениках — коммунарах будет бессмертна.

Советская власть, возникшая в других экономических и политических условиях, победоносно продолжает дело, начатое парижскими коммунарами, этими предвестниками Великой Всемирной Коммуны.

Слава павшим в бою коммунарам!

Денежная реформа и заработная плата.

Выпущена твердая, в золотом исчислении, валюта. Советский знак, с головокружительными цифрами сыгравший в свое время крупное значение для Союза Республик, отходит в область преданий. Срок хождения знаков, уже в твердом выражении, установлен только до 10-го апреля.

Какое значение для хозяйства Республики имеет твердая валюта— об этом говорить не приходится, значение—колоссальное и общеизвестное. Нас интересует другой вопрос—как отразится денежная реформа на заработной плате рабочих? Не повлияет ли реформа на заработную плату в сторону ее снижения, если не постоянно, то хотя бы временно, в переходный момент?

Постановлением Совета Труда и Оборона от 1-го марта устанавливаются твердые паритеты перевода условных товарных рублей, по коллективным договорам, в золотые, вновь выпущенной твердой валюты. Постановление всю территорию СССР разбивает на три пояса, при чем стоимость условного товарного рубля в первом поясе установлена—1 руб. 50 коп., во втором—1 руб. 30 коп. и в третьем—1 руб. в золотом исчислении.

Другое постановление от 29/II, помимо указанного выше твердого паритета, при переводе товарных рублей в золотые, устанавливает прибавку на дороговизну.

Пункт 2-й постановления гласит: „во всех тех случаях, когда зарплата установлена коллективными договорами в товарных рублях, она выплачивается с 1-го марта 1924 г. по твердому паритету, устанавливаемому особо для I пояса (столицы и крупнейшие промышленные центры), для II пояса (районы среднего уровня цен) и для III пояса (районы низкого уровня цен).“

На 15 марта 1924 г. подлежит установлению местная стоимость бюджетного набора госплана в твердой валюте (в серебре и казначейских билетах), после чего во второй половине марта доплачивается, в качестве процентной прибавки на дороговизну, на каждый уплаченный в начале марта рубль, разница между принятым твердым паритетом и местной стоимостью бюджетного набора в твердой валюте“.

Ясно, что при соблюдении указанных двух условий о снижении реальной заработной платы, установленной в товарном исчислении, не может быть и речи. Здесь необходимо только точное выполнение, без всяких отступлений и неправильных толкований, постановлений СТО.

Постановлением СТО вся территория Северного округа отнесена к III-му поясу, кроме г. Архангельска. Архангельск включен в число местностей, имеющих исключительную дороговизну, и отнесен ко II-му поясу. Однако, удовлетворение заработной платой в марте работников Связи у нас на Севере, с соблюдением установленного СТО. порядка, фактически, конечно, гарантирующего реальность февральской зарплаты, и для марта, не обошлось без протестов и запросов о причинах снижения. Очевидно, протесты были вызваны просто несколько запоздалой и недостаточно ясной информацией на места.

Нужно знать каждому члену союза, что проводимая денежная реформа ни в коей мере на заработной плате в сторону ее сниже-

ния не отразится. Наоборот, в наших, союза Связи, условиях целая группа работников и довольно значительная—получит увеличение своего заработка, благодаря введению твердой валюты, даже без увеличения своих окладов. Введение твердой валюты исключает возможность для наших завпотов и, вообще, работников Связи сельских местностей, громадной, до 50 и более процентов, потери на курсе своего заработка. Ведь, недалеко еще тот момент, когда приходилось констатировать, что многие из заведующих почтовыми отделениями вместо причитающихся им 20 руб. 40 коп. товарных получали и могли реализовать на уездных и губернских рынках 10—11 рублей, а остальное теряли на курсе. Положение, кажущееся совершенно невероятным, но это—факт, не подлежащий сомнению.

Работники губгородов и некоторых уездных, имеющих у себя под рукой и отделения Госбанка и трудовые сберегательные кассы, находились в несравненно лучших условиях, но и их заработок не был полностью застрахован от потери на курсе. Потери на курсе были и здесь, но, правда, незначительные, по сравнению с работниками сельских местностей.

Но проводимая сейчас денежная реформа перед союзами (и нашим в частности), помимо сохранения реальной заработной платы на достигнутом уровне, ставит еще задачу безболезненного для рабочего регулирования его заработной платы и в будущем.

Как подойти к этому, конечно, чрезвычайно важному и сложному вопросу?

Единица, положенная в основу при исчислении заработной платы, должна быть твердая, представляющая из себя вполне реальную и постоянную единицу, очень чутко реагирующую на изменения цен на рынке. Заработная плата рабочего должна быть застрахована от капризов рынка, реальность ее колебаться не должна.

Что можно взять сейчас за вышеуказанную единицу при исчислении заработной платы?

До сего времени, твердыми единицами мы считали, относительно, условный товарный рубль, местный товарный рубль и червонный.

Исчисление заработной платы в товарном рубле, как в условном, так и в местном, наиболее гарантирует заработок от колебаний цен на рынке, но оно (исчисление)—сложно и часто непонятно для рабочих. Кроме того, выплата заработка в товарном исчислении чрезвычайно неудобна для хозяйственных органов, перешедших полностью на червонное исчисление—получение кредитов, составление смет, цены на товары и т. п.

Постановлением СТО порядок исчисления заработной платы в товарных рублях также отвергнут.

Остается золотой рубль вновь установленной твердой валюты, которым и нужно будет руководствоваться при исчислении заработной платы.

При исчислении заработной платы в твердой валюте возникает ряд вопросов. Возможно-ли установление твердых и постоянных ставок в золотом исчислении для отдельных местностей? Возможно-ли гарантировать рабочего от скачков цен на рынке?

Ответить на эти два вопроса сейчас, в переходный момент, чрезвычайно трудно. Но, во всяком случае, прежде всего, принимаются все меры к тому, чтобы создать действительно твердую валюту, и,

кроме того, прибавка на доровизну, установленная постановлением СТО, всегда имеет возможность сгладить нежелательные колебания размеров реальной зарплаты. Прибавка на дороговизну, в частности у нас, должна выдаваться сразу-же после 15 числа платежного месяца, без излишней волокиты—это одно из необходимых условий при данном порядке.

С другой стороны, по нашему союзу, по линии договоренности с НКП и Т, если выдача зарплаты порядком, которым она производилась в марте, будет продолжена и на следующие апрель—май месяцы, надлежит теперь-же поднять вопрос о пересмотре поясных разбивок. Паритет, при переводе товарных рублей в золотые, для третьего пояса (один товарный рубль равен одному золотому) для некоторых районов чрезвычайно низок, как, например, Устьсысольск, где условный товарный рубль на 22-е февраля стоил 2 р. 20 к. Получается такое положение, что, допустим, в Вологде работник Связи получает авансом в начале месяца 70% своего заработка, а в Устьсысольске—только 45%. Правда, в конечном-то итоге устьсысольские работники ничего не потеряют—получат прибавку на дороговизну во второй половине месяца в большем размере, чем вологодские, но все-таки в получении аванса в большем размере все работники очень заинтересованы. Необходимо для таких местностей, где налицо невероятно тяжелые жизненные условия, большая дороговизна, паритет, хотя-бы в ведомственном масштабе, изменить, установив его, может быть, даже выше паритета для 1-го пояса.

Кроме того, при заключении нового коллективного договора и генерального тарифного соглашения, перед Центральным Комитетом в области исчисления заработной платы встает вопрос чрезвычайной важности, к которому необходимо отнестись с сугубой осторожностью и вниманием. Установить твердые ставки в золотом исчислении для работников Связи, разбросанных по всему Союзу Советских Республик и имеющих у себя самые разнообразные цены на продукты и предметы широкого потребления, даже с разбивкой территории на несколько поясов, совершенно невозможно без того, чтобы не было обиженных, получающих очень низкую заработную плату, по сравнению со значением обслуживаемого ими предприятия Связи в производственном отношении или наоборот. Слишком различны цены и условия службы. В своем Северном округе мы имеем до 10-ти районов, где цены на одни и те-же предметы колеблются от 100 до 200 и более процентов.

Очевидно, в центре с окончательным и твердым установлением ставок в золотом исчислении для всех районов не справиться. Необходимо для того, чтобы вопрос этот разрешить возможно лучше для работников,—передать на места округам и окружным правлениям союза, дабы последние, сообразуясь с местными условиями, путем заключения дополнительных тарифных соглашений, устанавливали-бы окончательные ставки. Наркомпочтель и Центральный Комитет должны оставить за собой только разбивку на пояса округов и установление средних твердых ставок, сообразуясь с общим количеством работников. Другими словами—необходимо вновь призвать к жизни тот порядок регулирования заработной платы по союзу Связи, какой был у нас до июня 1923 года, или-же—оставить систему прибавок на дороговизну, но уже не как временную меру в переходный момент, а как

меру постоянную, сохраняющую от колебаний реальную заработную плату.

Со своей стороны мы высказываемся за первое, т. е. за местные тарифные соглашения, как наиболее отвечающие интересам работников.

В заключение, следует еще раз отметить, что денежная реформа имеет большое значение в вопросах заработной платы. Денежная реформа ставит ряд задач в этом направлении, вообще, перед союзами и нашим, в частности. Но, в общем, своевременность ее и необходимость вполне очевидны и все мероприятия советской власти, стремящейся создать действительно твердую валюту, нужно, всеми имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами, поддерживать.

А. С.

О премиях *).

С переходом на самоокупаемость, в условиях нэп'а, НКПиТ стремится сократить, вообще, расходы, и в то-же время принимаются все меры к увеличению доходов ведомства. Из наркомата, как из рога изобилия, сыплются циркулярные распоряжения о всевозможной экономии средств, отпускаемых на хозяйственные расходы, возку почт, перемещение работников и т. д., с обязательной оговоркой, что администрация, замеченная в безхозяйственности, будет строго наказана.

Сам-же НКПиТ часто допускает такую безхозяйственность.

Не так давно отмечалось в журнале „Пролетарий Связи“—во что обошлась нашему наркомату знаменитая итальянско-американская двойная бухгалтерия. Но и в дальнейшем мы видим ту-же непроизводительную трату средств, к расходованию которых наше экономическое положение обязывает относиться с крайней осторожностью.

Несмотря на свою финансовую бедность, НКПиТ все-же нашел необходимым—премировать линейных техников, выполнивших успешно ремонт и постройку телеграфных линий в 1923 году.

Хотя после ремонта на некоторых участках, в особенности в Печорском крае, телеграфные столбы падали целыми „сериями“, Северный Округ все-же признан одним из успешно выполнивших ремонт, с правом премирования ремонтеров: для этой цели на округ отпущено НКПиТ 4500 золот. руб. Цифра, на первый взгляд, ничтожная. Но, если принять в расчет, что вся территория СССР делится на 22 п.-т. округа, то по грубому подсчету получается $4500 \times 22 = 99.000$ зол. руб., в общереспубликанском масштабе. Это уже составляет $1\frac{1}{2}$ -месячную зарплату всех работников предприятий Связи, входящих в состав Северного Округа.

Теперь разберемся в вопросе—являлась-ли необходимость премировать линейных техников за успешное выполнение ремонта в 1923 г. и имеют-ли юридическое право линейные техники, а точно так же—канцелярские техники в Управлении Северного Округа претендовать на получение премий, при условии успешно выполненного ремонта?

*) Печатается в порядке обсуждения.

Согласно коллективного договора, труд работников Связи разделен на три группы, с отнесением к 6-тичасовому, 8-мичасовому и ненормированному рабочему дню. Каждому работнику этих групп, за выполняемые им работы, установлена определенная оплата труда по 17-тиразрядной тарифной сетке.

Сезон работ по постройке и ремонту телеграфных линий, обыкновенно, начинается в конце мая и оканчивается в октябре месяце, т.-е. продолжается 5—6 месяцев, при 8-мичасовом рабочем дне. В продолжение этого времени, линейные механики, главным образом, и исполняют свои обязанности. И в этом почти заключается вся их работа, в течение рабочего года. Остальное—зимнее время года линейные механики, хотя и прикреплены к известным предприятиям Связи и должны-бы работать на производстве, но на производстве они не работают, а являются в свое предприятие только за получением жалованья. Вся зима для участковых механиков является сплошным отдыхом.

Следовательно, за летние работы учмехи вполне компенсируются 6-тимесячным отдыхом в зимнее время и говорить о их ненормированном труде не приходится, так как в действительности ими не выработывается даже в течение года по 6 рабочих часов в день.

Никто не будет отрицать, что прямая обязанность линейного механика—строить и ремонтировать телеграфные линии, как морзиста—передать и принимать депеши, а рассыльного—разносить их. Все эти группы работников получают за свой труд известную зарплату. Ни о каких других дополнительных оплатах не может быть и речи. Работая-же по ремонту линий, линейные техники выполняют только ту работу, которую они обязаны и должны выполнять. Говорить о том, что техники, находясь на ремонте и живя на две семьи, терпят от этого материальный ущерб, также не приходится, ибо за все это время они получают суточные.

Что же касается успешного выполнения ремонта, то и за это премий не должно быть, потому что всякий сознательный работник должен и обязан выполнять свою работу добросовестно.

Работники технического отдела Уокр, как, например, начальник ЭТО, начальник ремонтно-строительной части, некоторые старшие делопроизводители ЭТО, помнаокр по технической части и даже начальник эксплуатационной части, ухитрившиеся получить премии даже прежде линейных техников, безусловно, не должны быть премированы.

Успешность выполнения ремонта ничуть не зависела от работы этих канцелярских техников, а зависела от своевременного отпуска НКПит средств на этот предмет и материалов, а те или другие указания и инструкции по ремонту обязан был давать ЭТО, для чего он собственно и существует.

При современном финансовом затруднении Республики, премирование линейных и окружных техников является непозволительной роскошью, вызывающей антагонизм среди других категорий работников Связи.

Не нужно подразделений на сынков и пасынков!

К предстоящей ремкампании 1924 г.

На страницах „Сев. Почты“ часто затрагиваются вопросы, касающиеся интересов той или иной группы работников, но, к сожалению, наши техники, а особенно—участковые механики слишком пассивно относятся к своему положению, не выдвигая в печати никаких вопросов и, вообще, не принимая никакого участия в союзной жизни.

Скоро наступает лето. Наша страда начинается. Необходимо-бы, на мой взгляд, поделиться всеми достижениями и недостатками, какие были замечены нами в прошлый строительный сезон. Поделиться теми предположениями, какие должны-бы быть проведены в будущем.

Между тем, на страницах „Сев. Поч.“, за редким исключением, совсем почти нет освещения этой отрасли нашего производства.

Только два месяца осталось до строительного сезона, а что мы знаем о том—когда начнутся работы, каков план их, порядок, снабжение, урочное положение и т. д.?

Ведь, каждый из этих вопросов должен волновать производителей работ, заинтересованных в выполнении возложенных на них задач.

Прошлым годом мы не можем похвастаться, что были готовы к бою, да и трудно было быть готовыми, т. к. округ настолько поздно приступил к снабжению, что самое благоприятное время прошло в ожидании нарядов и авансов по причинам, не зависящим даже от самого округа.

Теперь, чтобы не повторилась та же картина, надо бить в набат—во что бы то ни стало, начать работы, если не с 15-го мая, то с 1-го июня—обязательно.

От этого только выиграет кампания, не затягиваясь до самой осени.

Приходится констатировать, что, благодаря небывало дождливой погоде 23 года, ремонт хотя и выполнен по официальным данным на 100%, но выполнение его по доброкачественности едва ли даст 100%.

Чтобы в этот сезон выполнить работы целиком и полностью, необходимо округу предусмотреть следующее:

1) Через „Сев. Поч.“, или другим путем, информировать о положении дела по вопросу ремкампании.

2) Заблаговременно снабдить доброкачественными инструментами и материалами учмехов, не высылая, как это наблюдалось ранее, вместо перевязочной проволоки—ржавую колочку, снятую с оковов.

3) Обеспечить высылку достаточного аванса, чтобы приступить к работам не по примеру, конечно, минувшего года, когда первоначального аванса хватило на 5—6 дней, а дальнейшего аванса пришлось поджидать терпеливо.

4) По выбору производителей работ, назначать им в помощь надсмотрщиков, каковое мероприятие не прошло в кампанию минувшего года, когда запросы делали, но указанных лиц не командировали.

5) Произвести обязательный осмотр линии участка перед ремонтом, дабы выяснить количество работ и знать—что именно ждет тебя впереди.

6) Отметить неосвидетельствование работ в большинстве участков, благодаря чему создается ненормальное отношение уокра с учмехами и обратно.

7) Округу и окрправсвязи—всеми силами добиваться снабжения спецобувью и обмундированием техников, находящихся на ремработах. Означенный недочет в колдоговоре есть громадная ошибка со стороны Ц. К. Связи; эта ошибка сильно бьет нас, в наших северных условиях, где большинство линий—трактовые, где нет теплушек-вагонов, а есть лишь волока на 20—35 верст, без жилья человека.

8) Говоря о снабжении, необходимо поднять вопрос о выдаче для рабочих колонн чайников и котлов для варки пищи или о приобретении их за счет строительного кредита.

9) Вопрос о порядке отчетности ремонтеров был уже достаточно освещен на страницах „Сев. Поч.“, и уокр Северный, будем надеяться, избавит нас от излишней технической канцелярщины.

Вот те наиглавнейшие вопросы, которые невольно возникают перед предстоящей ремкомпанией.

Б.

Женщины заговорили.

Письмо из Байсы, Вятской губ.

Хорошо, если-б в нашем журнале была страничка работницы. Ведь, есть-же женщины—работницы Связи в нашем округе, но ни одну из них, кроме т. Корнаковой, не слышно.

Будто вымерли все.

Почему мы молчим? Разве нас не интересует то, о чем пишут наши товарищи? Разве в нашей жизни ничего уж такого не имеется, о чем-бы можно было поговорить и поделиться друг с другом?

В самом деле, сидишь у себя в отделении—заброшенная в глушь, одинокая, и в этом одиночестве, будто, боишься обменяться мыслями с себе подобными—такими-же заброшенными одиночками, будто, пережитки прошлого наложили на нас неизгладимую печать молчания.

В нашем Уржумском уезде осталось всего четыре—пять работниц Связи, рассеянных по разным глухим уголкам. Мы не имеем между собой никакой связи.

Я хочу попробовать—разбить этот ледок, отыскать своих товарок...

А-у-у! Где вы?! Подайте свой голос!

Я охотно поделюсь здесь о своем житье-бытье.

Я заведу почтовым отделением в затерянном селе. Скоро год, как я на этой должности. С работой справляюсь более или менее успешно—теперь она стала интересней, в связи с подписками на повременные издания и агентством „Связь“: ближе подходишь к публике, и работа не кажется уж такой сухой и скучной.

Я участвую здесь на собраниях, узнаю жизнь волости, уезда, партии, нахожу время участвовать в культкружке, слушать лекции, читать газеты.

Одним словом, на мою долю выпадает много таких благ, о каких и мечтать не смела работница старого времени.

Но это меня не удовлетворяет. Например, в познаниях моих по почтовой службе—есть досадные пробелы. Я отстаю от моих товарищей—мужчин.

Почему?—могут спросить меня.

Да потому, что специальных курсов по почтово-телеграфной службе я не проходила, подготовка была слаба, а теперь—все так часто меняется—приходится служить и учиться.

До сих пор я не видела пока, чтоб позаботились поднять квалификацию нашей работницы. Она попрежнему, с тоской, думает каждую минуту о сокращении.

Надо так или иначе учиться, надо поднять свою квалификацию и одновременно—окунуться в общественную жизнь, дабы стать более полезным работником, не стоять на мертвой точке интересов сельского завпреда.

Вот и хотелось-бы узнать:—как живут другие работницы, рассеянные по нашему обширному округу, при каких условиях работают и далеко-ли они ушли за эти шесть лет завоеваний Октября?

С. Байса, Вятской губ.

А. Б.

Письмо из Семеновского, Арханг. губ.

Читая в „Сев. Поч.“ статьи об инертности женщин-работниц Связи, о их безразличном отношении к общественной жизни, приходится констатировать наше упорное молчание и краснеть за свое невежество, ибо—„правда глаза режет“.

С болью в сердце, нужно сознаться, что мы до сих пор не можем окончательно изжить старых предрассудков, не можем освоиться с новой жизнью, отставши так далеко от своих сотоварищей—мужчин.

Я думаю, многие из работниц стремятся к общественной работе, учению, непрочь-бы и писать иногда, но иные заботы поглощают все их свободное время, в силу чего они и остаются, невольно, ко всему безучастными.

Возьмем пример с работниц нашего предприятия.

Нас—трое. Двое обременены семейством. Заботы о домашнем хозяйстве всецело поглощают семейных. Пробыв на службе положенное время, они спешат привести в порядок свои домашние дела. Смотрят—того нет, другого недостает и—бегут наши работницы в ближайшие деревни—доставать там продукты. К тому же—за детьми необходимо присмотреть, обмыть, обшить и т. п.

В таких ежедневных хлопотах время летит незаметно.

Вечером—вместо того, чтоб посвятить его самообразованию,—они идут на вечерние занятия, боясь запусков по службе, так как в положенное время с работой справиться не могут, в виду чего даже вынуждены обходить Кодекс Законов о Труде.

А поэтому и судить строго женщин за их пассивность—нельзя.

Одинокая работница имеет, конечно, более свободного времени, чем семейная. Домашние дела отрывают ее на самое короткое время. Безусловно, что каждую свободную минуту она должна употреблять на перевоспитание себя, дабы не отстать от современной жизни. Правда, большого успеха ей не достичь в таких захолустьях, как наше, где ощущается острый недостаток книг, отсутствие библиотек и научно-политической литературы.

В таких заброшенных уголках приходится питаться одними лишь газетами, которых, разумеется, для перевоспитания далеко недостаточно.

Несмотря на зависимость от служебной и домашней жизни, работницы все-же не чуждаются и культурно-просветительной работы. Когда бываю спектакли, лекции, общественные собрания, они всегда принимают участие, бросая свои домашние дела, и даже состоят членами местного профессионального клуба.

Из всего этого видно, что женщины стремятся к новой жизни, не относятся к ней, как посторонние зрители, а стараются догнать своих сотоварищей—мужчин.

Надо полагать, что во всех провинциальных уголках жизнь работницы протекает тем-же темпом и порядком, как и у нас, при тех-же стремлениях к общественной жизни, но сделать что-либо—одними своими силами—невозможно. И невольно приходится завидовать жизни городских работниц, которые поставлены в совершенно иные условия.

Там имеются и женотделы, созываются делегатские собрания и т. п., а в провинции этого нет: даже ни одна делегатка не заглянет в захолустный уголок. А как-бы мы были рады ее появлению! С каким бы восторгом встретили ее!

Женщины—работницы Связи, встряхнитесь! Бросим старые привычки! Не будем увлекаться фантастическими романами, гнаться за роскошью, которой пролетарка должна стыдиться.

Организуемся, начнем общими силами хотя-бы писать в наш дорогой журнал о нашей жизни и о наших запросах.

Не бойтесь неудачи: нас никто не осмеет, наоборот—сведущие товарищи поддержат, раз'яснят, направят...

Для нас, пролетарок, не должно существовать ничего прежнего, темного и невежественного...

Мы порвали цепи прошлого, мы должны жить новой, современной жизнью.

Итак, товарищи женщины, за дело! Смело за работу!

Семеновское, Арханг. губ.

Павловская.

Профсоюз только тогда будет действительно верным защитником рабочих, когда все члены союза заинтересуются его работой.

Работница Связи, чем ты помогаешь работе своего союза?

Массовое участие трудящихся женщин в строительстве новой жизни освободит их от домашнего гнета.

Работницы Связи Севокра, пишите о своей жизни и быте в свой журнал „Сев. Почта“.

В колонном зале.

Черным газом окутаны люстры
Над тобою, колонный зал.
Я вошла, опьяненная грустью,
Туда, где Великий лежал.

Плыл и плыл под белые своды
Траурной музыки челн,
А певучие весла-аккорды
Разбивались о рифы колонн.

Колыхались безмолвно пальмы,
Но глаза не заметили их—
В этот миг вдохновенно-печальный
Два лица воплотились в мой стих.

Там, в гробу, обожженное думой,
Бездыханно лицо Ильича,—
Не проснется творец Коммуны,
Оттого здесь вокруг печаль.

В ореоле венков и зелени
Мудрый лоб навсегда застыл;
Я смотрела на мертвого Ленина,
Но живой в моем сердце жил.

А над ним, с переплаканным взором,
Женщина в платье темном;
В складках губ—неизбывное горе,
Но из губ—ни крика, ни стона.

Я у Крупской в лице разгадала
Всю муку народной потери,—
Оттого моя песня рыдала,
Как звенящие вихрем метели.

Я ушла из колонного зала,
Где сияли под трауром люстры,
Где качались знамен опухала;
Я ушла, опьяненная грустью.

Я вышла, и в уличном шуме,
Где скрипуче вздыхал мороз,
О Великом Творце Коммуны
Моя песня рыдала без слез.

Александра Мушникова.

В дороге.

(Из путевых впечатлений).

— Далеко ли путь дорогу-держите?—спрашивает меня, встретившийся на вокзале, один из работников Вологодского железнодорожного почтового отделения.

— Отправляюсь в Архангельск, а оттуда далее—в Онегу,—отвечаю ему.

— Да-а-а... дорога дальняя... А интересно все-же узнать—как живут там наши товарищи... Все посмотрите—и Белое море, и оленей, и медведей белых увидите...

— Разумеется, интересно... Редко только туда, по нашей бедности, заглядывать приходится, а побывать надо... Работники просят нашего представителя, ждут на собрание...

Поезд на Архангельск запаздывал отходом на два часа. Зашли в отделение. Там побеседовали с работниками. В разговорах время скоротали незаметно. Приближался час отхода поезда...

Распрощавшись, я пошел в почтовый вагон. Последний звонок, и поезд тронулся.

В вагоне кое-как устроился, приспособившись на свободное место. Почтовые вагоны, идущие по линии Москва—Архангельск, по своему оборудованию значительно хуже почтовых вагонов, курсирующих между Ленинградом и Вяткой. В последних—газовое освещение, простор, чистота, а здесь—только жалкий намек на все это.

Бригада—четыре человека, старые работники по перевозке почт. Работы много... Быстро мелькают по клеточкам письма, газеты, составляются документы, заделываются мешки.

Когда стемнело, зажгли свечи. Работы стало уже меньше—разгрузились. Начались обычные в дороге разговоры—о работе, о доходах ведомства, о жизни вообще, о работе союза...

Один из бригадных затрагивает интересующий, видимо, его вопрос.

— Наши хозяйственники-администраторы, говорит он, не совсем-то внимательны бывают иногда к союзным организациям. Разумные предложения по улучшению производства частенько так администрацией игнорируются. А, ведь, определенно надо сказать, что без участия союзных организаций и объединяемых ими членов в деле налаживания производства администрация далеко не уедет... Они этого, как-то, понять не могут... Боятся, что-ли, они наших предложений, или так уж самоуверенны, что мы не можем сметь свои суждения иметь... не считают с коллективом работников, непосредственно работающих на производстве... Не разберешься, право,—закончил он, когда мы под'езжали к станции Семигородный Монастырь.

Остановка прервала наши разговоры.

Завпред, обменивающий почту, пришел после второго звонка.

— Что это, братец, опять хотел обмен проспать?—спрашивает его старший, деловой, словоохотливый, пожилой человек.

— Да нет... вот уж неделю не сплю... все от уукра нахлобучки жду... да и необмен-то—первый за всю жизнь... какой уж тут сон... Станцию вот закрыли, сократили двух стрелочников... уменьшают, видите-ли, накладные расходы... оставили пост что-ли какой-то, а дело от этого куда хуже стало... Правильной справки о прибытии поезда не добьешься... Вот и опаздываем поэтому... Э, да уж тронулся поезд-то... прощайте...

— Прощай, да не опаздывай, смотри... Возьми в работу, кого следует, чтобы справки верные своевременно давали!—кричит вдогонку ему почтальон, смещенный в почтальоны из квалифицированных при сокращении штатов.

В вагоне опять закипела работа.

На следующей станции—Харовской почту обменивали двое. Один из них—в черной шинели со светлыми пуговицами и прочими старыми чиновничьими атрибутами, другой—в истасканном рваном пиджачишке. Первый—молодой человек, видимо, завпред—руководит обменом, указывает второму, принимающему почту.

Что-то старое, давно отжившее, так и напоминал, облачившийся в чиновное одеяние, молодой человек...

Обменивающие ушли. Поезд двинулся дальше.

Скоро мы доехали до станции Вожега.

Выхожу из вагона—встречаю знакомого завпреда, со всем „подчиненным“ своим штатом.

— Что это в такой мороз вы нараспашку пальто носите? Ведь, холодно же, простудиться можно...—обращаюсь к завпреду, улыбающемуся жизнерадостной, самодовольной улыбкой.

— На улице не простужусь... Вот в отделении, верно, простудиться можно... Там я и пальто на все пуговицы застегиваю, и шарф на шею одеваю, и уши чем либо завязываю,—нельзя иначе, мороз невыносимый... Дров-то больно мало, топим печи экономно, кредитов на дрова не обещают... А помещение предприятия—никуда не годится: ветер по всем углам ходит, разгуливает, как по Белому морю... Денег на ремонт не отпускают, другого помещения не дают... Вот и живем так... Горе, а не житье наше, откровенно скажу... А тут еще заработной платой обидят: получай, говорят, по индексу на восьмое, а по курсу на пятнадцатое и... баста! Жизнь—городской дорожке, условия работы—хуже, а платят меньше города—обижают... кровно обижают... Надо что-либо сделать окрправсвязи и цека к улучшению нашего положения. Пасынками союза живем... Ну, прощайте, вам идти, ведь, надо: звонки уж даны...

— Вопрос о заработной плате,—успокаиваю я,—новым коллективным договором должен быть разрешен в вашу пользу. Мы били в набат, выносили свои решения, писали в цека об этом не раз... Наверно, услышат наш голос... А впрочем—о нуждах своих пишите нам, что в силах сделаем... До свиданья...

И опять поехали дальше. Бригада разделилась на две смены: одна—работает, другая—отдыхает.

Устроившись на ночлег, долго беседовали со старшим. Наговорил он кучу комплиментов по адресу „Северной Почты“...

Под монотонный шум и стук поезда, я незаметно уснул.

В Архангельск приехали утром. Станция—на левом берегу Северной Двины, на правом—город.

Проезжая на извозчике через реку, встретили самоедов, умело управляющих запряженными в легкие санки, по несколько пар, быстроногими оленями, перевозившими пассажиров из города на станцию и обратно.

Архангельск, как известно, город портовый, выстроенный в новом европейском стиле, черной лентой раскинувшийся на несколько верст в длину, по правому берегу Северной Двины. Трамвайное сообщение

способствует оживлению общей жизни города. Мало только садов, бульваров и парков, так необходимых Архангельску, расположенному на болоте.

Архангельская потельконтора занимает большое трехэтажное здание в центре города. Райправсвязи находится в том же здании, расположившись, со всей своей канцелярией, в одной небольшой комнате, в третьем этаже, рядом с конторской канцелярией. В том-же помещении конторы, во втором этаже, приютилась и библиотека-читальня.

Союзная работа в Архангельске понемногу налаживается. Мероприятия райправсвязи, направленные в сторону вовлечения массы в активную союзную работу, напрасно не пропадают. Несмотря на значительное количество в штате потельконторы людей не революционизировавшихся, старых, ушедших в себя чиновников, не сделавших шага вперед во взглядах на многогранную, призывающую к новому строительству жизнь, активность членов союза, в особенности из числа молодежи, все-же увеличивается.

Работа на производстве идет „своим чередом“. Работают, как видно, по циркулярам уокра, проводят их в жизнь без всякой критической оценки тех мероприятий, которые в этих циркулярах предлагаются, своей инициативы не проявляют.

„Наше дело—в точности и аккуратно выполнять то, что приказывают, а разбираться в том, что правильно, что не правильно, или что нужно, и что не нужно—не наше дело,“—говорят в канцелярии конторы старые „спецы“, рассматривающие, повидимому, все жизненные явления и свою работу в свете учения глубоко и слепо чтимого ими мифологического Христа-Спасителя.

Такой чиновно-бюрократический подход к делу не мало вреда приносит нашему производству. Он неуместен и позорен для членов союза, обязанных активно участвовать в организации производства.

Взаимоотношения работающих в конторе рядовых работников между собою и с администрацией „большой“ и „маленькой“—чисто формальные. Товарищеской солидарности, тесного сотрудничества, на началах простых трудовых взаимоотношений и трудовой дисциплины, нет—все казенно, формально, по приказу.

Нормы рабочего времени на почте не соблюдаются. Сверхурочные отработанные часы ни деньгами, ни днями отдыха не компенсированы. Задолженность по оплате сверхурочных работ не покрыта с сентября месяца прошлого года.

Администрация конторы и райправсвязи на месте возможных мероприятий не сделали, ограничившись только сообщением об этом в окправсвязи и уокр.

Переработка, по заявлению администрации, при наличном штате изжита быть не может, будет продолжаться, вероятно, до тех пор, пока не будет выяснено—где в интересах дела можно обойтись без переработки и где—нельзя. Но сейчас этого нет:—даже „спец“ канцелярии—регистратор, ревностный, видимо, служака, и тот перерабатывает часа по четыре в день, записывая, сверхурочно, во входящий „экстренные бумаги“.

Подобные печальные явления заставляют пожелать администрации конторы и организации—большей работы в деле устранения всех этих ненормальностей.

В том-же здании, которое занимает контора, на чердаке, грязном и холодном, находится радиостанция.

Предприятие, ранее извлекавшее радиозвуковые волны, которые несутся под облаками на десятки тысяч верст, любящее простор и свободу, запрятано в грязную клетушку, где нет ни простора, ни свободы.

Знаменитая рация „Кузнечиха“ превратилась теперь в этой клетушке в развалившуюся убогую старушку. Она уже не разбрасывает по всему свету, как было раньше, своих звуков. Она только слушает своими старческими ушами чужие звуки и с трудом их принимает.

Ей не место здесь, в центре города, где работа наших-же телеграфных скоростедействующих аппаратов мешает слушать прием, где индукция трамвайных и других проводов „оглушает“ совсем дряхлую старушку. Ее надо „омолодить“. Ее место там—на просторе, на Кузнечихе, около высоких стальных радиотелеграфных мачт. Там она была-бы на своем месте и из развалившейся старухи вновь стала-бы сильной и молодой.

Но, как видно, хозяйственный уокр, заставивший ее состариться, и не думает исправить свою ошибку. Он решил не перемещать рацию вновь на Кузнечиху, и дорого стоящие мачты, находящиеся там, отдал в арендное пользование органам наркомпути, вместе с бывшим помещением рации.

„Вы говорите—мы не противились этому перемещению? Нет, мы горячо протестовали... Мы говорили, что станции здесь плохо будет—и по техническим и всяким другим соображениям, что надо оставить ее на Кузнечихе... но уокр с’экономить хотел, заставил переехать. Экономия-то, наверно, не оправдалась, а дело куда хуже стало“...

„Вас приглашают, уже лошади на Онегу поданы“,—сказал пришедший к концу разговора один из радистов.

Время—за полдень. В качестве сопровождающего почту почтальона, отправляюсь в дальнейший путь.

М. Ганичев.

(Окончание в следующем №).

Вчерашний день помучил—
Скоробленный, день старый,
Рассеивались тучи
От беготни пожаров.

Вз’ерошились на зовы,
Приветствуя сигналы,
А мы, взломав засовы,—
Оставили подвалы...

И из сердечной стали
Воздвигли батареи:
Пусть люди умирали,
Но ведь росли идеи...

Пусть из сердец и тела
Взростали цитадели—
На даях дымно-белых
Отблески зорь алели—

Отблески революций,
Взлелеянных вчерашним...
Мир старый, ежась куцо,
Псом прятался на башни.

Мы-ж, небо амбразура,
Сердцами дней сверлили—
Где гнездышко для дури
Себе святые свили.

И, обнажая груди,
Мы души распахнули—
В симфониях орудий
Через века скакнули...

Ал. Мильчаков.

В почтовом отделении.

Набросок.

На околице села—домишко старенький.

Крыльцо—между парой тусклых оконеч. Вверху—вывеска, красным по белому: „Почтовое отделение“.

Замело домишко сугробами глубокими—ни под'едешь никак. Все четыре ветра ополчились на отделение.

Узенькая тропка проторена к крыльцу.

Со скрипом отворяем двери—теплом так и обдает... Сбрасываем с себя тулупы, прислоняемся заочневшими руками к горячей печке.

Завпред—пожилой работник—поджидает нас за проволочным барьером...

Тихо в отделении. Монотонно выколачивают свою вечную песенку стенные часы. Самовар на столе стоит—кипит и бурлит во-всю...

Делимся своими впечатлениями с завпредом... тут и признание, и твердая валюта, и местные средства, и ведомственные уездные новости...

— А что, каково исполкомцы почту возят на свои средства?—спрашиваю завпреда,—сказывал ямщик дорогой, что сами члены вика в почтари заделались?

— О, да еще как...—отвечает завпред—нацепит это на себя член вика мой наган, что-то в роде портупей привяжет сбоку,—аж комиссар какой катит на станцию... говорил я члену вика, что почту надо обменять с вятским поездом, а он трех верст не доехал—видит: пермский поезд идет... припустил лошаденку вскачь, но догнать так и не мог—ушел поезд... Вернулся недовольный, расстроенный... долго смеялись потом с ним, когда выяснилось, что он за пермским поездом гонялся...

— А зачем же члены вика сами с почтою ездят?

— Да, видимо, не доверяют никому... А то, может, экономию средств соблюдают: ведь наймешь сопровождающего,—заплатить ему надо...

Разговор наш переходит на страхование, недавно введенное здесь. Есть надежда на добровольное страхование крестьянских лошадей...

Дверь со скрипом отворяется—вваливается пожилой бородач—крестьянин. Сединой инея борода и усы опушились. Вместе с ним влетают в отделение клубы холодного пара...

Получает письмо... С трудом читает непокорные строчки... Общими усилиями прочитываем неразборчивую грамоту...

Расспрашиваем про крестьянское житье-бытье...

И опять разговор вертится около твердой валюты, сельско-хозяйственного кредита, около газеты...

Мужик так живо заинтересован „Крестьянской Газетой“, о которой рассказывает плакат, висящий на стене.

— Хорошая штука,—кивает на плакат,—больно уж хороша статья про многополье пропечатана... за три месяца—сорок копеек... цена—подходящая... сколько это по советски-то будет?—обращается к завпреду.

Бойко стучат косточки счет...

— Десять тысяч с рубликами...

— А дорогонько оно, пожалуй, десять-то тысяч... ну, да уж ладно... на другом и больше уйдет...

Минуту еще колеблется, в некотором раздумьи, и решительно заявляет:

— Ну, уж давай—выпишем... дело то не пропащее...

Газета выписана...

— Ну, тепере с газетой, значит, будем... надо ишло к агроному зайти... поговорить...

Распрощавшись, уходит.

„Хороший старик... передовой старик...—поясняет завпот,—по фамилии—Гогов... попов и за порог к себе не пускает... вот уж около года как за восьмиполье бьется“...

Завпред—сам передовой человек: принимает участие в культурных начинаниях, выполняет задания вика, ячейки, в свободные дни проводит кампании по волости...

Вечером готовится к докладу по резолюциям губс'езда...

Отделение работает слабо. Последствия недавнегò голода еще не изжиты...

За оконцами сгущаются сумерки. Зимнее солнышко прячется за далекие, снегом покрытые деревушки...

Темнеет... Рано утихает сельская жизнь...

Дм. Калинин.

.....

Песенки самовара.

За окном синют сумерки...

Слышу—в комнате угар.

Напевает свои песенки

Наш старинный самовар.

Закрываю его крышкою—

„Вишь, пузатый, начадил...

„Иль не в духе ты, старинушка,

„Кто тебе не угодил?..

„Или тошно да невесело?..

„Эх, проказник самовар...

„Эх, душа неугомонная...

„А ведь стар, приятель, стар...

„Напевал ты свои песенки

„Старикам моим давно,

„И тогда синели сумерки,

„Ты-же пел всегда одно:

„Собирайтесь-ка, любезные,

„Побалуйте-ка чайком,

„Ну, а я, старик, послушаю—

„Что вы скажете о ком.

„Что-то есть на свете нового,

„Как соседушки у вас...

„Покалякайте... послушаю...

„Я, пока что, не погас*...

Разговоры у семейников—

Об одном, все об одном:

„Хорошо, коль дело спорится,

„Хорошо, коль миром дом...

„Как то ныне рожь уродится,

„Не подвел-бы как покос“...

И пойдет уж тут, как водится,

Разговоров целый воз...

А порою—запечалятся,

Да тоскою закручинятся—

Запоет старик семейникам:

„Все-то, все на свете минется,

„Горе лютое, аль радости,

„Аль печали неизбежные,

„Все пройдет и все минется,

„Все денечки заунывные“...

„Ох-хо-хо“...—кончает песенку...

Затихает самовар...

Тихо, тихо, напоследушки,

Прозвенит он, как комар...

К. Осокин.

За козой.

(Рассказ).

(Продолжение).

VIII.

На остановках торопливо вскакивали в вагон „клиенты“ и очень поспешно производили товарообмен.

Чего, чего только и не приносили: и мясо, и свинину, и масло, и яйца, и рожь, и муку, и дичь...

А на одной станции вскочил в вагон деревенский парень, с громадною на руке корзиною, наполненною развешанным по фунтикам иван-чаем, изготовленным из цветов кипрея на деревенских „плантациях“.

В обмен на все это получали заказанный питерский товар—сахар, мыло, соль, махорку, спички, мануфактуру, одежду...

Иногда платили и доплачивали деньгами.

„Клиенты“ делали новые заказы, отдавая свой товар и до следующего „рейса“.

На железной печке, раскаленной до красна, бригада готовила себе ужин... Кто варил, вкусно пахнущие, жирные щи, кто—жарил свинину, кто—приготовлял яичницу...

Шипящие сковородки и миски, с брызгами масла и жира, попадавших на раскаленную пёчку, распространяли по всему вагону, давно забытые Прониным, ароматные кухонные запахи... Глотая слюну, он уходил в темный корридорчик вагона, вынимал из тощего саквояжика ломоть черного хлеба, намазывал сливочным маслом, что снабдила его заботливая жена—благо усиленное питание было получено кстат.

„И живут-же люди“,—с завистью думал про себя Пронин, удовлетворяя свой раздраженный аппетит...

IX.

На утро приехали в Вятку.

Распрощался Пронин с гостеприимной бригадой, заручившись еще раз согласием старшего—водворить козу на задней площадке, если только он успеет до отхода поезда оборудовать свои дела.

Взваливши на плечи трехпудовый мешок с рожью, при помощи почтальона—владельца бывших графских картин, он осторожно спустился из вагона и сразу-же был окружен толпою мальчишек с сазками, на перебой предлагавших свои услуги.

Наняв одного такого „рикшу“, направился Пронин на квартиру Баранова.

Город расположен довольно далеко от вокзала. Через какойнибудь час, без труда, разыскали квартиру Баранова.

Но оказалось, что Баранова нет дома—должен вернуться из поездки лишь к утру.

— А вам зачем, товарищ, требуется Баранов?—спрашивает квартирный хозяин—бойкий проворный человек, по виду—рабочий.

— Да вот, приехал в Вятку по делу, Петр Иваныч—мой бывший сослуживец... хотел остановиться у него.

— Так что-же—милости просим, вот его комната, располагайтесь тут, переночуйте, а к утру он и сам под'едет... только—документик бы вы показали, а то, знаете, думчиво как-то...

Личное удостоверение рассеяло всякие сомнения хозяина. Пронин так был рад благополучному, пока, исходу своего путешествия.

X.

„Уж если с самого начала повезет, так и в дальнейшем вывезет“, размышлял Пронин за поданным ему в комнату самоваром.

Вскоре явился туда и сам хозяин.

— По каким, товарищ, делам в Вятку пожаловали—по службе или сами по себе?

— Сам по себе,—отвечает Пронин,—козу бы, знаете, надо купить... до зарезу надо... ведь у вас здесь, в Вятке, козы—дешевые, не то что у нас в городе...

— Да, что вы...—изумленно восклицает хозяин,—да, ведь, я завтра свою козу на базар думаю вести!.. Присмотрел я тут другую козу—на днях с молоком будет, а моя—через два только месяца окозится... вот и покупайте мою... сделаемся...

— А какова у вас коза? Много ли доит?

— После отелу по четверти дает... говорю же вам—потому только и продаю, что сейчас вот молоко надо... Я, конечно, не наваливаю, может найдете и лучше моей...

Изумленный Пронин едва пришел в себя.

— Вот уж действительно,—думает он,—на ловца и зверь бежит... едва заявляю на квартиру, а для меня уж и коза здесь приготовлена... видно, значит, прямо на площадку и—больше никаких... чудно право.

— Да я что... я не отказываюсь... если сойдемся в цене, то—отчего же...

— Вот и хорошо... утро вечера мудренее... ложитесь-ка сейчас спать, отдохните с дороги, а завтра утром козу посмотрите, сделаемся...

XI.

На утро, пока кипятился самовар, пошли с хозяином на двор—смотреть козу.

Из убогой дощатой хлевушки выскочила солидная черная Кеча (так звали козу), ласкаясь к хозяину, который угощал ее, по случаю, видимо, „смотри“, кусочком черного хлеба.

— Уж козу не забракуете,—расхваливал хозяин,—правду вам говорю—по целой четвертной молока дает с новотелу... месяца через два окозится...

— Да я что,—говорит Пронин,—я не бракую... да, признаться, и не смыслю я право в этом товаре... коза—видная, только масть мне не нравится, хотелось-бы белую купить, безрогую.

— Ну, безрогих коз вы здесь не найдете, да и это—не простая порода, смешанная... Я, конечно, не наваливаю, дело ваше, а только понапрасну... лучше вы не найдете...

— А сколько же вы возьмете за нее?—спрашивает Пронин.

— Десять тысяч, меньше не возьму... цена—сходная, товар—сами видите...

Прикинул Пронин на рожь—выходит около трех пудов...

— А ежели рожью?—спрашивает он.

— Так што—можно и рожью... переведем деньги на рожь.

— Ладно,—говорит,—сторгуемся потом, а сейчас я вот схожу в отдел животноводства—попробую попросить разрешения на провоз козы... если не разрешат, придется нелегальным способом—в почтовом вагоне...

XII.

В обширном здании, где помещались все губернские учреждения, едва отыскал отдел животноводства.

Пояснил коротко заведующему суть дела, подал все свои удостоверения.

Пробежал тот бегло документы, потер переносицу.. высморкался громко...

— Ничего не можем сделать, товарищ.. вывоз скота из нашей губернии запрещен.. кабы недельки на две пораньше приехать, а теперь—нельзя.. не имеем никакого права..

— Но, ведь, может быть сделано исключение,—просит Пронин,—большая жена, ребенок.. уж устройте какнибудь.. помогите..

— Вы же сами служите, товарищ, сами знаете, что противозаконных разрешений выдавать не полагается..

„Аудиенция“ была окончена. Но Пронин не уходил.

— А скажите,—наивно спрашивает он,—могу-ли я какнибудь, нелегальным путем, провезти козу по железной дороге?

— А это—ваше дело,—ухмыляется заведующий,—советов уж тут никаких дать не могу..

Раскланялся и пошел, не солоно хлебавши.

„Ну, что-же,—размышляет Пронин,—придется, видно, везти на площадке.. уж раз в начале повезло, авось и дальше вывезет“..

На обратном пути проходил мимо базара—подивился оживленному вятскому рынку: тут было и мясо в изобилии, и масло постное, и даже свинина..

Соблазнился—купил у деревенской бабы, вместе со стеклом, бутылку льняного масла: больно уж дешево показалось.. Купил жене, плетеные из кожаных ремешков, вятские туфли и поплелся, в раздумьи, на квартиру.

XIII.

На квартире застал только-что вернувшегося из поездки Баранова.

Обрадовался Баранов нежданному гостю-земляку, забегал, засуетился.. Заказал хозяйке сварить свиных щей, поджарить картошки со свиной..

Стал опять Пронин с хозяином козу торговать.

— А вы все-таки уступите,—просит он.

— Да из чего уступать-то?—мнется хозяин,—настоящую цену прошу.

— На рожь, по вашим ценам, выходит около трех пудов, а вы возьмите с меня два с половиной.. ладно, я думаю, будет..

— Да не совсем ладно,—возражает сдающийся хозяин,—ведь, сами видите—коза настоящая.. с молоком скоро будеге.

— Сбрось полпуда-то, Никандрыч,—поддерживает товарища Баранов,—человек—небогатый, не грех и уступку сделать..

— Так што, ладно, коли-так.. по рукам тогда..

Ударили по рукам.. Рожь перевешивать не стали—положилс хозяин на слово, что в мешке—три пуда..

За полпуда деньги Пронину выдал.

— Только с условием,—предупреждает Пронин,—уж вы пособите мне козу-то на вокзал доставить и в почтовый вагон водворить—на площадку.. один я—не сумею, а поезд ночью уходит..

— Ладно, ладно.. это-то устроим.. я сегодня свободен.. стрелочником я—на железной дороге.. свободен сегодня.. отчего же и не помочь—это можно..

К. К—н.

(Окончание в следующем №).

ФЕЛЬЕТОН.

Удовлетворительная резолюция.

Когда Устьсыольский предрайправсвязи (области Коми) т. Бобров выступил со своим докладом о деятельности райправления, он учел все обстоятельства и весьма резонно решил капитулировать.

Он предложил общегородскому собранию такую резолюцию:

„Заслушав доклад райправления, общегородское собрание работу райправления признает не вполне удовлетворительной, на будущее время предлагает организационную и политико-просветительную работу расширить и общегородские собрания созывать не реже двух раз в месяц“.

Уж чего бы, кажется, артачиться собранию, раз председатель признает работу правления не вполне удовлетворительной, сдавшись, как говорится, без бою...

Но эта капитуляция не удовлетворила собрания... Долго ломали головы в поисках достойной оценки, но так резолюцию и не придумали, ничего не могли поделаться...

... Избрали резолютивную комиссию из трех человек...

Резолютивная тройка (на подобие гоголевской— „только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход“) предложила следующую резолюцию:

„Общегородское собрание совершенно не видит никакой работы и инициативы со стороны предрайправсвязи т. Боброва. Предложить президиуму райправления переизбрать председателя, для оздоровления и оживления всей организационно-профессиональной работы“...

Но и эта резолюция, направленная к оздоровлению и оживлению, была единогласно забракована...

Резолютивная тройка—по мнению собрания—не в меру понеслась вскачь... Собрание сказало:

„Куда ты мчишься, Русь?..“

Тогда один из товарищей предложил остановиться на золотой середине, каковая и разрешила все сомнения и продолжительные прения собрания.

Предложенная этим товарищем резолюция гласила следующее:

„Заслушав доклад райправления и ревизионной комиссии, общее собрание находит, что работа райправления протекает слабо, а потому и предлагает райправлению подтянуться и исправить допущенные ошибки и упущения и усилить до максимума работу в области организационной и культурно-просветительной“{

Резолюция, как видно из протокола, „признана удовлетворительной“.

Золотая середина была найдена.

Если не признали удовлетворительной работу райправления, то все-же, по крайней мере... признали удовлетворительной свою резолюцию.

Покончив, наконец, с „удовлетворительной резолюцией“, работники, с чувством глубокого удовлетворения, разошлись по домам, в надежде, что работа райправления будет „усилена до максимума“.

Наше родное.

Еще не скоро, видимо, изживется наш „смертный грех“—канцелярская волокита.

То там, то здесь приходится наблюдать поразительно курьезные случаи, которые вызывают невольную улыбку.

Перед нами лежит конверт закрытого письма, с объявленной ценностью на 62 черв. рубля. Конверт—из плотной бумаги, припечатан восьмью печатями и адресован из финансового отдела Уокра Северного Вологодскому завконтю.

Пересылались в этом конверте открытки воздушного флота—„Ильич“. Сдано письмо было официальным порядком на почту и проведено по трем книгам...

Не прости-ли было-бы—сдать это письмо по разносной книге непосредственно завконтю или в канцелярию конторы?

Или вот еще случаи.

Пересылаются из Уокра в Вятскую потельконтору казенной посылкой за № 268... десять штук мочальных швабр!

Посылка опечатана сургучными печатями, обмотана проволокой...

И при том—Вятка является центром кустарного производства, где стоимость швабр значительно дешевле вологодского рынка. Было бы логичней и практичней—посылать швабры из Вятки в Вологду...

Впрочем о практичности и логичности в данном случае говорить не приходится, ибо стоимость пересылки далеко превышает ценность „фабриката“...

Пересылаются, например, 1/III из райконторы, по распоряжению Уокра, в Харовскую почтовым переводом за возку почт 300 рублей в совзнаках, каковые выражаются в золотом исчислении—около полкопейки, а стоимость перевода... 17 коп. золотом!

В свою очередь и в Уокр поступают какие-то три телеграфных перевода на 1980 рублей в совзнаках—остатки каких-то кредитов (из сельских местностей).

А во что обходится стоимость телеграфных переводов при пересылке таких ничтожных сумм?..

Пересылочные расходы во много раз превышают пересылаемые суммы.

Если в одном случае Уокр страдает формализмом, то в ином—не прочь сделать и отступление.

Вместо того, чтобы выслать печатные бланки на места (статистический формуляр № 1, с 46-ю рубриками), эти бланки в двух экземплярах, ежемесячно, по официальному распоряжению Уокра, должны писаться от руки...

А Уокр, для своих надобностей, заготавливает красивые папки—„Для доклада“ и специальные обложки для циркулярных сборников...

Разумеется, и места не отстают от своего учителя в изощрении канцелярских трюков.

На-днях поступил в Уокр из Нолинской конторы заключенный контракт на возку почт, оплаченный гербовым сбором на 1 руб. 65 коп. золотом...

Но сколько-же марок пошло на этот злосчастный контракт?

Всего получено 2280 марок, на 24-х листах, общей площадью 1623 кв. вершка.

Если бы наклеить эти марки на бумагу, то потребовалось-бы 32 листа писчего формата.

Если бы сложить эти марки в длину, то получилась бы лента в 48 сажень 1 фут 6 дюймов...

А ларчик просто открывается: можно было-бы гербовый сбор внести в местный уфинотдел, получить взамен квитанцию, которую и препроводить при контракте...

Однако, довольно... То, что приведено здесь, попало случайно под руку...

Эти „случайные“ случаи, к сожалению,—явления вполне обычные.

„Русская словесность“ и... ревизор.

Слово „мать“ крепко укоренилось в обиходе русского мужика. Склоняется оно по всем падежам и во всех временах русской грамматики, во всех случаях нашей деревенской жизни.

Но деревне это и простительно, ибо деревенская темнота этому причиной.

Но если человек просвещенный и, тем более,—просвещающий (таким, например, должен быть ревизор) обогащает свой лексикон трехэтажными словечками народного творчества, это—недопустимо.

Мы имеем достоверные сведения, что ревизор—механик гр. Кошаров, раз'езжая по приемке линии по Архангельской губернии, вел себя в высшей степени непристойно, как в предприятиях Связи, так и на квартирах (по линии), нагоняя на хозяев—крестьян немалый страх, уснащая свою обычную речь всяческими „матерями“.

Уж не думает ли строгий ревизор таким путем осуществить смычку города с деревней?

Не следовало-бы Уокру посылать таких ревизоров, подрывающих авторитет административных органов.

К. К—н.

ВЬЮГА.

Словно в бешеной погоне,
Чтоб не дать уйти врагам,—
Вздыбив гривы, мчатся кони,
Снег взметая по полям.

В искрометной колеснице,
Опершись на звездный щит,
Седовласа, бледнолица.
Вьюга Севера стоит.

Белой мантией обвита,
И во лбу горит алмаз,
Воспаленные орбиты
Мечут искры синих глаз.

Вспенит гладь лазури зыбкой,
Буйной удалью хмельна...
И глядит ей вслед с улыбкой
Бледноликая луна.

Любо править раз'яренным
Бегом взнузданных коней.
Даль ковром посеребренным
Расстилается пред ней.
Ведьм и леших— всех разбудит,
Буйный справит хоровод...
По трущобам рышет, блудит,
Песни дикие поет...
Вдруг—с пути-ль она собьется,
Скучно-ль станет на земле—
Вихрем в небо понесется
И закружится во мгле.

II. Шпекторов.

КУРЬЕЗЫ.

Урок хорошего тона.

Поехал как-то Няндомский уполсвязи в Вологду — на районное собрание.

Воспользовавшись оказией, один из товарищей сослуживцев дал ему поручение в Уокр Северный, изобразив это поручение на бумаге.

Приводим поручение в дословной форме, с сохранением орфографии:

„Андрюша! По указанному адресу (уокр — делопроизводитель части личного состава, заведующий перемещением и увольнением тов. М. Смирнов) не будете ли добры справиться относительно моего перемещения прошением от 1/XII—23 г. и отношением Завконт Няндомы от 1/XII № 2195.

Рекомендую Вам подход к указанным личностям (?!) следующим порядком: 1) Рекомендация о себе: уполномоченный Няндомской п.-т. конторы 2) Прибыл сюда по такому-то делу. По просьбе служащего Ш—го зайдя к Вам нельзя-ли будет получить справочку: как обстоит дело с его перемещением в Завпоты. Очень волнуется за последнее время (?!) ибо он как страдавший Ревматизмом опасается в дальнейшем опасности со стороны болезни тем более с наступлением Весны.

Климат Няндомы вреден на состояние его здоровья, о последнем так-же были представлены Вам удостоверения Врача.

В остальном на задаваемые Вам вопросы (если таковые будут) постарайтесь ответить в положительной форме, дабы не препятствовать к перемещению.

Результаты запишите: для памяти и по приезде сообщите мне“.

„С просьбой Д. Ш—й“.

Вот это мы понимаем! Дипломатичный, видимо, человек гр. Д. Ш—ий—не как иные прочие, которые с начальством разговаривать не умеют.

Вспомнил ли уполсвязи должным порядком данное ему поручение и „подход к указанным личностям“, не ударив лицом в грязь перед начальством—об этом „история“ умалчивает.

Дама с амбицией.

Одна уездная кадниковская дама, получив от почтальона контрольный листок для проверки письмоносца (о времени получения адресованного на ее имя письма) пришла в сильное негодование—схватила карандаш и написала записку завконту, что ее крайне возмущают такие порядки, что, очевидно, служащим конторы—делать нечего, раз они занимаются такими пустяками, что подобные листки принимает она, как личную насмешку над нею, и т. д. и т. д.

„Ну, и барынька,—ухмыляется в ус недоумевающий почтальон,—с такими гражданками контролю не наведешь“...

А почтальоны иронизируют в конторе:

„Не следовало-бы барыньке ограничиваться одной запиской, а вот если-бы она пришла в контору, да бросила в лицо завконту свою перчатку, да вызвала его на дуэль, стреляясь через платок, это было-бы дело... подобные „оскорбления“ смываются только кровью“.

Завидная популярность.

Журналы „Пролетарий Связи“ и „Северная Почта“ начинают завоевывать завидную популярность.

Мало того, что эти журналы читают поголовно все наши работники, они проникают даже (не работники, конечно, а журналы) в вологодские домкомы.

Когда проходила в Вологде кампания по выписке союзной печати, механик гр. Голдобин — бывший председатель окркома счел своим неременным долгом подать в рабочком такое заявление:

„От выписки журналов „Пролетарий Связи“ и „Северная Почта“ отказываюсь, в виду выписки журналов и газет коллективом домкома“.

Завидная, чорт возьми, популярность!

Три минуты — три бумаги.

Не так давно в одной губернской конторе получена бумага Уокра с предложением — „выяснить и фамилию виновного донести“ — и вместе с этой бумагой — отношение Вологодской потельконторы, с приложением выписки из аппаратного журнала, где говорится, что такое-то учреждение не отвечало по аппарату... ровно три минуты!

Спрашивается — чего хотели люди, тратя время на писанье трех бумаг и пересылку их по почте?

Ведь, известно, что отлучка от аппарата и неотчет на вызов в течение пяти минут — не требуют объяснений...

А вот любители канцелярского творчества взяли да и „объяснились“. Следовало-бы им записаться в лигу „Время“.

Не на своем стуле.

Свой стул и свой стол — многое значат...

Люди, — которые понимающие, — знают цену своему месту.

„Всяк сверчок — знай свой шесток“, — говорят они.

Скажем, к примеру, такую историю...

Когда в Архангельском Погосте — в почтово-телеграфном отделении окончились занятия, сторож отделения, разделавшись с обычной уборкой, уселся на стул „чиновника“ и, вооружившись пером, стал писать письмо за канцелярским столом...

Тихо было в отделении. Ни обычного шума, ни разговору, только разве мышшь поскребется за стеной...

Но вдруг... открывается дверь, и из квартиры своей появляется „начальник“...

— Ты что это, Турыгин, уселся не на свое место, ты не знаешь разве, что не место здесь тебе за столом чиновника?.. Вон!..

— Да я... — оправдывается сторож, — я только письмецо на родину хотел написать...

— Сказано тебе — вон! Свое место знай!

Переконфуженному сторожу пришлось переселиться в „нейтральную зону“, за пределы стульев и столов, присвоенных „чиновниками“...

„Начальник“ — надо отдать ему справедливость — до конца остался верным своим „старым добрым традициям“.

Сокращение штатов коснулось и его, „начальника“.

Когда его хотели снизить до рядового работника, он... ушел в отставку... „Не хочу сидеть не на своем стуле“, — сказал он.

Отклики с мест.

По пути.

Почтовозчик гр. Земцов—очень практичный человек.

Отправляясь из Котельнича с почтой по Яранскому тракту, он подает, обыкновенно, лошадь, запряженную в дровни.

Не специально подает, а так сказать—по пути заезжает за почтой в контору.

Везет, обычно, из деревни в город то воз дров, то возик сенца, обделаёт свои делишки на базаре, а потом уж и за почтой заезжает.

— Да что-же это такое?—ворчит почтальон,—опять на дровнях приехал?

— Ничего, ничего,—утешает ящик,—я вот сенца подброшу... мягко будет сидеть-то...

И плетется еле-еле уставшая коняга—с почтою, почтальоном и ящиком на дровнях..

Да и неудивительно: провести воз дров или сена за 22 версты и ехать обратно, примерно с таким же грузом—не шутка.

Почта, конечно, замедляется в пути.

Баулы и чемоданы проваливаются в отверстие „экипажа“, немилосердно протираясь в дороге.. Не мало можно встретить посылок с протертыми углами.. Почтовые вещи рвутся.. Целыми часами сидят почтальоны за починкою баулов, чемоданов и сумок.

Завконт хотя и знает о подобных порядках, но мер никаких не принимает.

В прошлое лето даже брезентов не имелось у почтовзчиков: почта укрывалась рогожей.

И выходит, что почтовозчику—барыши, а почте—прямой убыток.

Не мешало-бы установить более приспособленное движение почт.

Наблюдающий.

Плохая торговля.

— Сегодня, товарищи, в 3 часа дня будет продаваться спец-одежда.. желающие купить—идите посмотреть...—возглашает Уржумский завконт.

— Что такое? Чего? Какая спец-одежда? Откуда?—посыпались вопросы озадаченных работников.

— Спец-одежда продается,—повторяет завконт,—пять с полтиной пара.. брюки и гимнастерка..

Приходим в рабочком.

Завконт бережно развязывает и развертывает тщательно упакованные мешки.. Спец-одежда извлекается..

Кто пробует, крепость материала, кто на свет его разглядывает, а некоторые, не доверяя краске, пробуют ее стереть.

Пары три уже надето... Но что это за одежда?..

Ширина гимнастеров—необ'ятная, сшиты—кое-как, а брюки—не в меру коротки.

Эй, товарищ завконт, отошлите-ка спецодежду в похоронное бюро... нестыдно в ней будет и перед всевышним предстать!—острит кто-то.

— Неужели пять с полтиной, пара-то?

Да, да... ни копейки меньше... по инструкции уokra торгуем...—рядится завконт.

— Да помилуйте, за что же пять-то с полтиной? Завтра же и распорется... в местном кооперативе мы дешевле купим.

Долго торговались ребята, но больше двух с полтиной не набрали. После торга, ни одной вещи продано не было...

Светлячек.

В почтовом вагоне.

Скоро поезд из Вятки отходит. В почтовом вагоне, как говорится, — сенокос.

Сегодня—900 посылок с вологодской почтой пришло. Всю эту тяжесть надо перегрузить из вагона в вагон.

Кипит дружная и скорая работа. Мороз хватает за уши и румянит щеки. Притаптывают на перроне с ноги на ногу озябшие пассажиры, но грузчикам—тепло..

Да и не одним грузчикам: тут-же и почтальоны из вагона в вагон перебегают—красные и потные от работы... посылку за посылкой переносят из кладовой вагона.

В вагоне—в посылочной кладовой—старший почти в одной рубашке, засучив рукава, беспрерывно принимает, читает адреса, указывает место...

„Направо!... налево!... Пермь!... Сибирь!...—кричит почтальону.

Точно машина, без ошибки, работает почтальон, распределяя по углам посылки... беда, если не туда положишь,—будет кататься посылка зря...

А тут еще Наркомпочтель работу надавал—четырнадцать ящиков по шести пудов рассылается...

„Вот уж принесла нелегкая,—недовольно ворчит работник, следящий за нагрузкой,—видимо для Наркомпочтеля и закон не писан... сами же издают циркуляры, чтобы казенные посылки были не больше двух пудов, а циркуляров не исполняют“...

Ходит между вагонами завжедор.

„Нажми, ребята,—подбадривает он,—немного уж осталось“... Но ребята и без этого „нажимают“, вытирая рукавом мокрый от пота лоб...

Наконец, все погрузили. Заперты кладовые. Работа перешла в вагон...

Летают из рук в клетки письма, пакеты, газеты... Без шуму, без лишней суеты идет точная привычная работа...

Второй звонок... третий...

Завжедор, нахodu, выскакивает из вагона. Поезд трогается.

Дм. Калинин.

На далекой окраине.

Работники отдаленных мест—на границе Архангельской губернии и области Коми, получая равные оклады содержания с работниками центров, тем не менее лишены возможности приобрести для себя одежду и обувь, ибо все содержание уходит целиком на пропитание.

Цены здесь—вдвое дороже центра, благодаря отдаленности мест и плохого состояния дорог.

Например, хлеб—4 р. 40 к. пуд, чай—8 р. фунт, сахар—1 р. 40 к. фунт, сукно плохое—14—15 руб. арш., рыба и мясо—12—13 руб. пуд.

Штат нашего, например, потельотделения, Устьухта, обл. Коми—завпред и сторож.

Телеграф, хотя и не имеет большой нагрузки, но иногда—с одной пятисловной телеграммой полсуток просидишь.

А то бывает и так, что принятая сегодня утром телеграмма, передается лишь на другой день вечером.

Происходит это от того, что предприятие на проводе—оконечное, линия беспрерывно переключается.

Живем мы так бедно, что в отделении не имеем даже лампы: у нас—в продаже нет, а наши центры, видимо, мало обращают на нас внимания.

Бедность, в связи с бывшей оккупацией,—невероятная... Инвентарь—кое-какой... Все разбито, испорчено, уничтожено...

Культурная жизнь совершенно отсутствует... Объясняться с населением приходится на зырянском языке...

В результате—тупеешь и опускаешься...

Все в этих краях рвутся вон из нашего ведомства, устраиваясь там, где оплату труда сравнивают с центром по действительной дороговизне жизни.

Необходимо, кому следует, озаботиться увеличением содержания работников далеких окраин.

П. Пономарев.

На Севере без дров.

Положение наших сельских местностей—плачевное.

У нас, в Троицко-Печорском, морозы в январе месяце доходили до 53°, в отделении—пять печей, а на отопление ассигнуется уокром всего лишь 3 руб. 75 коп. На эту сумму можно приобрести только 2½ арш. дров, ибо сажень стоит 4 руб. 50 коп.

Сидим и мерзнем в отделении, облаченные в малицы (одежда из оленьей шкуры)... Одежда связывает движения... Какая уж тут продуктивная работа! Вообще, необходимо-бы увеличить кредиты на хозяйственные расходы, не ограничиваясь той суммой, какая нам отпускается уокром.

Что сделаешь на 19 руб. 95 коп.?

Из них: помещение—9 руб., освещение—6 руб., отопление—3 руб. 75 коп. и поддержание чистоты—1 руб. 20 коп.

На эти деньги не развернешься...

Хоть и невероятно, а вот и сидим на Севере без дров и коченеем от холода в оленьих шкурах, ожидая милости уокра, который должен, наконец, отпустить достаточные кредиты на хозяйственные надобности.

Савельев.

Не обязательно.

Кассы взаимопомощи, организованные на добровольных началах, за свой сравнительно короткий период существования, а главное, несмотря на свои скудные ресурсы, все же оказывают помощь некоторым своим нуждающимся членам.

Каждый сознательный член союза Связи, безусловно, должен состоять членом кассы.

А в укре, например, наблюдается такое явление: большинство работников низших и средних разрядов состоят членами кассы, а вот из высших разрядов—два начальника отделов и несколько начальников частей кассу нашу „игнорируют“.

Тяжеленько, видите ли, им платить один процент членских взносов с получаемой зарплаты... их финансы не позволяют!..

На вопрос, заданный одному начальнику части, почему он не состоит членом кассы—получился очень „резонный“ ответ:

„Это не обязательно“.

„Взносы плати—думают они—а ссуды не допросишься“..

Дабы избежать возмездных расходов, можно напомнить им и еще об одной возможности сокращения расходов: ведь, членство в союзе—тоже добровольное... можно и там не состоять...

Как ни плохо материальное положение такого „бедного“ работника, все-же, питаем надежду, он о своем выходе из союза, вероятно, не заявит и резонных доводов не приведет.

Из 17-ти человек не состоят членами кассы взаимопомощи: Сигин, Сыромятников, Щекин, Кочанов, Ковалев, Исправников, Воробьев, Слезин, Бачуринский и Шадрин, получающие содержание свыше 10 разряда и еще 7 человек, получающих ниже 10 разряда.

Я.

У сберегательной кассы.

Раньше, когда для операций трудсберкассы в Вельске пользовались позаимствованиями из переводных сумм, работа шла без перебоев, но когда последовало запрещение этих позаимствований, картина резко изменилась...

„Товарищи,—приглашает к порядку потельработник, ведающий кассой,—в очередь!“

„Я еще с 9 часов пришла,—жалуется какая-то клиентка,—как только принесут деньги, первая очередь моя... Уж вы будьте любезны—выдайте мне сразу... ушла из дому и печку не закрыла“.

„Хорошо, хорошо“...—успокаивает басом кассир.

Клиенты ждут... Приходят новые... Вновь прибывшие интересуются—есть ли деньги в кассе, но слышат ответ:

„Ждите!“

Долго ждут... Первая „очередь“ прикурнула на диване и сладко дремлет..

Без очереди влетает вкладчик, вносит 16 коп. и уходит.

—Вам сколько надо взять то?—спрашивает одного из первой очереди кассир.

— Да копеек 20 надо-бы.

— Если хотите, получите 16... больше нет.

— Пожалуйста.

Получила и, довольная, ушла.

— Мне получить-бы по книжке вика рублей 15,— обращается вновь прибывший клиент.

— Денег нет, подождите, может и принесут.

— То есть как денег нет? Ведь я вносил-же?

— Те сданы в уфо,— поясняет кассир.

— Да я в уфо пойду жаловаться! Что за безобразие — деньги внес, а получить негде!

Быстро удаляется из конторы.

— Товарищ,— спрашивает новый клиент, — если я внесу вам 20 рублей, могу их получить через 3—5 дней?

— А это—смотря по тому, будут ли деньги в кассе.

— А тогда—до свидания! Я лучше в ЕПО отнесу.

— Вы, товарищ, не деньги-ли в кассу несете?—осаждают ожидающие вновь прибывшего клиента.

— Нет, мне надо марку купить.

Эка штука, а мне-бы вот денег из кассы получить.

Долго ждут... Терпеливо... Но взносов мало... Всех—не удовлетворишь...

Помещение мало-по-малу пустеет...

Уходят, ругая, на чем свет стоит, и порядки. и нас всех, и всю нашу почту...

Б.

Дорогая махорка.

Сроду не был торговцем, а тут пришлось в комиссионеры заделаться... в агентство „Связь“...

„Не боги-же—думаю—горшки делают“...

Смотрю прейскурант—цены на махорку значительно дешевле местных... отчего и не поработать?... Начинаю агитировать...

В результате—поступает два заказа по одному ящику ярославской махорки, по 27 рублей за ящик, по ценам прейскуранта.

Получив с заказчиков 30% стоимости заказа, посылаю из Няндомы, установленным порядком, заказ в центральное аг.—во „Связь“.

Ровно через 2 недели приходит заказ, на имя заказчиков: одна посылка—на 31 руб., другая—на 29 руб.

Но, кроме того, уплачено за ящик задатку 8 руб. 10 коп., за пересылку задатка—30 коп., итого—8 руб. 40 коп., да наложенный платеж—31 руб.

Выходит, что ящик махорки заказчику вскочил в 39 руб. 40 коп. (по прейскуранту—27 руб.). Восьмушка махорки на месте стоит 8—9 к., а махорка агентства „Связь“—гривенник!

Заказчики, конечно, протестуют...

Доношу в агентство, но ответа пока еще не получено...

Сделан мною еще один заказ на канцелярские принадлежности—на 40 руб. золотом... Теперь дожидаюсь и... боюсь—а вдруг* да опять придет товар дороже местного рынка?...

Первый блин да и комом!

А главное—агитировал... Перед заказчиками стыдно... о комиссионных уж и не говорю совсем... Какой тут приработок!...

Д. Шелгинский.

Забывтый поселок.

Много писали и говорили о нашем заброшенном поселке при ст. Плесецкая Северных жел. дор.

И на страницах „Сев. Поч.“ был помещен очерк—„И живут люди“, но слова пока остаются словами...

„И живут люди“...

По-прежнему ютятся в жалких хибарках, а если заболеют, то умирают без всякой медицинской помощи.

Не так давно одна из заболевших работниц была отправлена в Архангельск, ибо на месте нет даже фельдшера. У одного из работников умер сынишка, и один из членов семьи другого работника лежит (пока еще жив) без всякой медицинской помощи.

Прибывший со ст. Емца, когда уже надобность миновала, медик заявил нам, что мы, дескать, для них—„люди посторонние“, ибо им неизвестно—существует-ли договор между нашим ведомством и страхкассой.

Возбужденный перед райправсвязи вопрос об оказании на Плесецкой медицинской помощи и снабжении домашней аптечкой остается открытым до сих пор.

Остается открытым и вопрос о постройке дома для квартир работников. Одним из ревизоров еще бывшего Архангельского уезда обещано было построить этот мифический дом, но и тут дело не пошло дальше слов.

Неудивительно было бы, если-б мы жили где-либо на далекой окраине дикого Севера, но мы каждый день видим, как идут поезда, наш губернский центр—от нас так недалеко...

Недаром некоторые работники, назначаемые сюда, говорили так: „Лучше на фронт, чем на Плесецкую“...

Необходимо, наконец, организовать медицинскую помощь, необходимо построить для наших работников жилой дом...

Разрешения этих наболевших вопросов мы уже ждем 4 года...

При таких ненормальных условиях жизни необходимо ограничить срок службы в Плесецкой двумя годами, после чего предоставить работнику право перемещения за счет ведомства в любое учреждение округа.

Нужно же, наконец, охранить жизнь и труд работников забытого поселка.

Шелков.

Не предусмотрено.

Группа работников Вологодского железнодорожного отделения по перегрузке почт на ст. Вологда состоит из грузчиков рабочих, почтальонов и квалифицированных работников.

Количество обмениваемой почты за сутки достигает до 500 пуд. и более. Почта бывает в разных концах платформы, ибо почтовые вагоны не ставятся во-время на место.

Почтальоны охраняют и сопровождают почту к вагонам. Грузчики носят и возят ее: зимой—на санях, а в остальное время года—на тележках, подобно лошади.

Грузчиков—8 человек.

Длительность работы очень продолжительная. При опоздании поездов невольно приходится удлинять рабочий день—быть на своем посту до конца, на открытом воздухе, в особенности почтальонам, охраняющим почту.

Мороз и вьюги—зимой, дожди, грязь, слякоть—весной и осенью... Работа не из легких...

А, между тем, коллективным договором не предусмотрено снабжение обувью и теплой спецодеждой работников, обслуживающих узловые железнодорожные отделения.

По колдоговору эта группа работников относится к сортировщикам почты, а потому и подлежит снабжению хлопчато-бумажными халатами.

Понятно, что при такой работе хлопчатобумажные халаты от холода и дождя не защитят.

Грузчики и почтальоны, к тому же, получают содержание по низшим разрядам.

Необходимо всю эту группу работников по обмену почт снабжать теплой спецодеждой и обувью: полушубками, теплыми шароварами, рукавицами, валенками и сапогами.

Эта непредусмотренность должна быть исправлена.

Ив. Шишигин.

От редакции. Ц. К. Связи в новый коллективный договор вносит пункт, по которому на сотрудников по обмену почт с почтовыми вагонами предполагается распространить положение о спецодежде, установленное по норме для сопровождающих почты по трактам.

„Кольцеобразное движение“.

Семь верст в сутки...

Не семь верст в час, а именно—семь верст в сутки... С такой быстротой движется корреспонденция в нашей богоспасаемой Вятской губернии, в частности—в Халтуринском уезде, при переходе на безубыточное „кольцеобразное движение“.

Приходит к нам в отделение местный гражданин 16 февраля и спрашивает повестку на перевод в 50.000 руб., сданный в Вятке 6 февраля. В удостоверение пред'являет квитанцию.

Перевода не оказывается. Гражданин возмущается... Да и как не возмущаться, если расстояние между Вяткой и Истобенском (наше предприятие)—70 верст, а перевод „идет“ 10 суток...

Об'ясняю клиенту о причинах замедления: что, дескать, перевод хотя и сдан в Вятке 6 февраля, но из Вятки он вышел лишь 8 февраля... в этот как раз день почта из вагона была принята на весь уезд Халтуринской конторой, откуда почта по уезду была уже отправлена 5 февраля, а следующая почта отправлена лишь 14 февраля... что перевод сегодня вечером должен получиться...

Удовлетворившись объяснением о „кольцеобразном движении“ почты, клиент интересуется вопросом—будет-ли ему возмещена потеря на курсе, каковая выражается около 50⁰ о.

Узнав, что курсовая разница не возмещается, клиент пожимает плечами и укоризненно качает головой.

— Для чего-же,—спрашивает он,—содержит вик бесплатно ваше отделение?.. И помещение, и отопление, и освещение, да и лошадь под почту подает?..

Безнадежно махнув рукой, разобиженный клиент уходит из отделения...

При таком безубыточном „кольцеобразном движении“ доверия клиентов не завоеешь. Нужно изыскать способы более скорого и безубыточного для публики движения корреспонденции.

Ели.

Ж а р о в н я .

Вологодской райконторой выслан в Няндому сургуч-кирпич. Устроена жаровня для разогревания, в виде сковороды.

— Ну-ка, Маруся, разогрей жаркое-то!
 — Сейчас. Только жару-то в печке много, как-бы не вспыхнуло...
 — Так ты присмотри! Сургуча только много не клади... довольно и полукирпичины...

— Ладно...

Прошла минута... Вдруг...

— Ой-ой! Александр Федорович! Вспыхнуло! Что я буду делать-то? Вот беда-то!..

— Ну, уж теперь, пока все не выгорит, не вынимай из печки, а то—надымит...

— Ладно...

Сгорело... положили новый кусок... Разогрели благополучно...

— Готово? Ну, давай, печатать будем... Лей вот сюда... Довольно, довольно!.. а... ч-чор... протекло мимо... Эх, напасть-то какая... надо конверт другой...

— Ну, давай снова, только—осторожнее... Я поддержу клапан-то... Довольно, будет!.. А, чтоб тебе!.. На палец-то!.. Ну и выдумали машину... в наказание за грехи родительские...

Александр Федорович сосет обожженный палец... Налитый сургуч остыл на конверте без печати... Жаровня дымит... В конторе—„не видно слова сказать“...

Р—в.

Перевыборы рабочкома.

22-го февраля проходило общее собрание работников Связи Пинежского уезда.

После Интернационала внимательно слушается доклад по текущему моменту.

Докладчик—из лучших сил Укома РКП. Доклад проходит около 2-х часов. Собрание учитывает за этот год поднятие экономической жизни и мощи СССР, в смысле внешней политики, приветствует взятую и проводимую нашим правительством политику, надеясь, что в дальнейшем наша страна, под руководством РКП, выведет нас из экономических затруднений и приведет к светлому будущему—коммунизму, через намеченные нашим великим Вождем В. И. Лениным пути.

Далее идут доклады рабочкома о своей деятельности за период с 14-го июля 1923 г. по 22-е февраля 1924 г. и ревизионной комиссии—о проведенной ею ревизии.

После окончания этих докладов были продолжительные прения—не мещанско-сплетнического характера, как это зло часто наблюдается на наших собраниях, а в прениях союзных задач.

Работу своего рабочкома собрание признает удовлетворительной. Такое же решение и ревизкома.

В дальнейшем намечается—энергично пробивать дорогу вперед, вести членов союза к знанию и свету.

Новому рабочкому предлагается в будущем устранить те недочеты, какие выявились из прений по докладу, наметив следующие вежи:

1. Созывать пленарные заседания, с участием ревизкома.
2. Ревкомиссии не ограничиваться ревизией один раз в полугодие, а делать таковую по возможности чаще, входя в курс работы рабочкома.
3. Принимая во внимание существование в Пинеге центральной библиотеки, коей пользуется большая часть наших членов, библиотеку рабочкома перебросить полностью в волости. Делегату, избранному на окрконференцию, поручить поднять там вопрос о переброске из губсоюзных библиотек литературы в уезд и волость, т. к. в губгородах существуют при ГСПС ценные библиотеки, которыми и могут пользоваться наши члены губгородов (пример—Архангельск).
4. Организовать при рабочкоме кружок самообразования, с целью поднятия производственно-технического уровня членов союза, изучения истории союза Связи, ознакомления с международным движением работников ПТТ.

5. Возобновить издание стенной газеты.

6. Вести неослабное наблюдение за выполнением Кодекса Законов о Труде.

7. Обратит серьезное внимание на более корректное поведение членов на общих собраниях и на аккуратную явку на таковые.

9. Настойчиво требовать повышения заработной платы.

Избираются: в рабочком — т. т. Клобуков, Комольцев, Евтяева; в ревизком—т. т. Вен. Рогачев, Гусев и Клыкова; делегатом на окрконференцию—т. Вен. Рогачев.

Собрание, закрытое в 3 часа ночи, прошло оживленно и деловито.

Пинега, Арханг. губ.
22 II—1924 г.

Вен. Рогачев.

К годовщине нашего журнала.

12-го марта 1923 г. вышел первый номер „Сев. Почты“. Издание журнала было начато без всякой предварительной подготовки, спешным порядком, ибо выпуск номера нужно было, во что бы то ни стало, приурочить ко дню созыва 1-й Северной окружной конференции союза Связи. Тем не менее, общими усилиями сотрудников окрправления, в каких-нибудь две недели, первый номер был выпущен и встречен весьма благоклонными отзывами нашей центральной союзной печати.

Работники Связи Севокра очень сочувственно отозвались на появление в свет новорожденного детища.

Каковы успехи нашего журнала? Какие в нем были недочеты и недостатки за истекший год?

На эти вопросы, прежде всего, нам ответят наши читатели.

После полугодичного издания „Сев. Поч.“, в августе м-це 1923 г., нами была пущена анкета о нашем журнале, в количестве 405 экземпляров, по числу предприятий Северного округа (почт.-тел. конторы, почт.-тел. и почт. отделения, телефонные сети и радио-станции).

Каждая такая анкета, следовательно, является отражением мнения о журнале коллектива работников каждого данного предприятия.

Из разосланных 405 анкет возвратилось заполненными 378 анкет. Следовательно, 27 анкет застряли на местах и цели своей не достигли. Но здесь любопытно еще отметить то обстоятельство, что 16 предприятий Связи, после полугодового существования журнала, знали о нем лишь по предварительной телеграмме окрпвления, извещающей о выходе журнала, с приглашением сотрудников с мест.

Эти 16 предприятий, как зафиксировано в анкетах, совершенно не знали о существовании „Сев. Поч.“, которая рассылалась для распространения по всем рабочим округам, при чем рабочим запрашивали определенное количество экземпляров. потребное для подписчиков своего района. И, таким образом, оказалось, что об издании уже издающегося в течение 6 месяцев журнала не были совершенно осведомлены следующие предприятия:

По Никольскому району. С.-Двинск. губ.: Подболотное почтовое отделение.

По Устьсысольскому району обл. Коми: Кажемский завод, Пажинское, Часовское, Турьинское, Сереговское, Межедар, Летское, Ибское, Подельское, Киберское.

Первые восемь из этих предприятий узнали о журнале лишь из нашей анкеты. Подельскому хотя и было известно („слухом земля полнится“), но журнал не получался. А Киберскому отделению удалось узнать о журнале несколько раньше—с 1 июня.

По Устьцилемскому району Архангельской губ. не были осведомлены 5 предприятий: Красноборское, Устьухта, Кедвавомское, Кипеевское и Росвинское, тогда как Устьцилемский райрабочком в своей анкете пишет, что „большинство работников интересуются журналом и с увлечением читают его“. Здесь с этим „увлечением“ райрабочком, видимо, увлекся, ибо он не удосужился распространить журнал более чем на половину предприятий своего района.

Мы с целью подчеркиваем это обстоятельство, характеризующее слабо проведенную кампанию по подписке на „Сев. Поч.“ Устьцилемским и Устьсысольским районами.

Каковы-же были отзывы о журнале по имеющимся у нас анкетам?

Мы разбили эти отзывы на 3 группы, которые выразились в следующем виде:

Очень хороший	111	показаний.
Хороший	165	„
Удовлетворительный	45	„

Итого . . . 321 показание.

Отзыв неудовлетворительный был лишь от одного предприятия Архангельской губ. в отношении отсутствия в журнале корреспонденций о жизни и быте Поморского района, находящегося в неблагоприятных условиях жизни. Но и этот упрек следует отнести по адресу работников данного района, ибо жизнь каждого района освещается постолько, поскольку поступает корреспонденций с мест.

По анкетам, между прочим, усматривается, что по всем районам округа насчитывается членов союза, владеющих пером и могущих писать в журнал,—127 человек.

Если-бы нашему журналу иметь такую солидную цифру рабкоров, нам не пришлось бы бросать в журнале постоянные лозунги о сотрудничестве в „Сев. Поч.“, ибо на каждый райрабочком, в этом случае, приходится почти по 4 корреспондента.

Следует отметить, что Уржумский и Яранский районы Вятской губ. не показали ни одного работника, владеющего пером. Впрочем, мы призывали и призываем к сотрудничеству рабкоров и не владеющих пером, ибо такие корреспонденции, обыкновенно, обрабатываются в редакции.

Какие-же недостатки нашего журнала, дополнения, изменения и пожелания усмотрены из анкет?

Здесь мы имеем 86 показаний, но по характеру своему настолько разнородных, что они распадаются на 42 вопроса. Наибольшее число показаний по каждому отдельному вопросу мы здесь и отметим:

1) Недостаточное освещение жизни и быта мест—13 показ.

2) Недостаточное освещение международной и внутренней жизни СССР—8 показаний.

3) О введении технического отдела по вопросам телеграфа, телефона и радио—5 показаний.

4) Недостаточное освещение вопросов производства—3 показания.

5) Недостаточная информация о деятельности Уокра—3 показания.

Эти пять признаков мы и берем, как признаки более существенные.

Остальные показания (числом по одному и по два) не являются характерными признаками и отражают лишь индивидуальные пожелания, в наших условиях, большею частью, неприемлемые, а иные—не совсем обдуманные.

Например, такие пожелания, как „устранение в журнале случаев искажения фактов“,—зависят от самих рабкоров, которые и отвечают за достоверность сообщаемых фактов.

Такие пожелания, как „расширить издание журнала“, „помещать в журнале фотографии и иллюстрации“—это нам не по карману.

„Освещать зарубежную жизнь работников Связи“—не входит в нашу компетенцию, для этого существует центральный орган „Прол. Связи“, который имеет сношение с союзами связи др. государств.

И, наконец, такие пожелания, как „больше юмористических статей“, „пишется много, но мало проводится в жизнь“, „не надо помещать на обложке журнала ненужные нам коммерческие объявления“, „ввести в журнале отдел—полеводство, луговоеводство и огородничество“ и т. п.—разумеется, что и ответ на подобные пожелания может быть дан лишь в юмористической форме.

Нужен ли нам свой журнал?

На этот вопрос все анкеты, в один голос, сказали:

„Да, нужен“... „И не только нужен, но и необходим“.

Правда, некий литератор Ив. Павлович в журнале „Кооперация Севера“, издающемся в Вологде, взял на себя смелость разрешить за нас этот вопрос.

Пропагандируя „Кооп. Сев.“, в статье своей автор весьма глубоко-мысленно заключает, что „наиболее нужными и массовыми изданиями являются—„Крас. Сев.“, „Кооп. Сев.“ и „Сев. Звезда“. Что-же касается громоздкого „Севера“ и тончайшей по размерам и содержанию „Сев. Почты“, то, разумеется, они могли-бы быть закрытыми без всякого ущерба для повседневной практики и возобновлены лишь тогда, когда мы будем богаты“.

В данном случае литератор Ив. Павлович совершенно упустил из виду, что мы пишем и издаем журнал „для повседневной практики“ наших союзных масс, а он, с места в карьер, решил этот вопрос в том смысле,

что „Север“ и „Сев. Поч.“, „если и расходятся, то исключительно среди специфических кругов (краеведов, почтовых служащих)“.

Кто-же эти специфические круги?

В первом случае (в отношении научного журнала „Север“) — краеведы, во втором — союз работников Связи Северного округа, объединяющий 3093 членов союза, которые в один голос сказали, что журнал им не только нужен, но и необходим.

Положим, не все так „глубокомысленно“ разрешают подобные вопросы: тот-же журнал „Север“ (орган научного Северного краеведения), также приговоренный литератором Ив. Павловичем к смерти, при выпуске двух первых номеров „Сев. Поч.“, говорит, что „содержание первых книжек „С. П.“ настолько разнообразно, так многосторонне освещает жизнь, нужды и задачи как учреждений, так и работников Связи на всем необъятном пространстве округа, что не только оценка помещенных здесь многочисленных статей и заметок, но и простой перечень последних заняли бы слишком много места“..

„В общем мы вынесли от журнала — говорит в заключение своей заметки автор А. А. Тарутин — хорошее бодрящее впечатление... Пожелаем-же симпатичному журналу широкого распространения! В бассейнах Печоры, Мезени, Поноя, на берегах Ледовитых морей — работники Связи живут и работают в одиночку, в мертвящей пустыне, целыми месяцами не слыша культурной человеческой речи — на сотни верст разединенные друг от друга. Живое печатное слово, ободряющая товарищеская поддержка необходимы для них более, чем кому бы то ни было!“

А другой вологодский — комсомольский журнал „Красные Восток“ (в настоящее время уже прекративший свое существование) далеко не дружелюбно встретил появление этих-же двух номеров „Сев. Поч.“.

Автор рецензии (если только можно назвать эту заметку рецензией) ругательски разругал нас за то, что мы не умеем писать стихов, и корреспонденциями с мест, с критикой администраторов — обостряем, яко-бы, отношения между работниками Связи и администрацией.

Но, ведь, если мы не умеем писать стихов и, вообще, плохо пишем, то наш журнал и не претендовал на высокие художественные достижения о чем мы и делали оговорку в № 1 „Сев. Поч.“.

Пишем так, как умеем.

Наш журнал — продукт нашего пролетарского творчества. А здоровая критика администрации имеет целью оздоровление нашего производства.

Отзывы нашей союзной печати о первых номерах „Сев. Поч.“ мы, уже приводили на страницах своего журнала.

Позволим себе здесь привести еще две небольшие выдержки о журнале.

Журнал „Связь“ (№ 9, за 23 г.), издаваемый Московским окрпавлением отмечает, между прочим, что „Сев. Поч.“ „приобретает форму серьезного и устойчивого печатного союзного органа и по праву начинает пользоваться все большей и большей симпатией со стороны членов союза Северного округа“..

А журнал Наркомпочтеля „Жизнь Связи“ (№ 7 за 23 г.), в отношении №№ 3 и 4 „Сев. Поч.“, дает такую оценку:

„По богатству и живости материала, по литературности изложения, по культурному изяществу внешнего вида и, что всего важнее, по многочисленности читательских откликов работников с мест, освещающих профессиональную и производственную жизнь в провинциальных предприятиях

Связи, „Сев. Поч.“ должна быть поставлена в самом первом ряду нашей профессиональной печати Связи“...

Быть может, эти отзывы и не заслужены „С.П.“ но уже одно то, что наши читатели, члены нашего союза, с большими симпатиями относятся к своему журналу, находят, что он им необходим,—это дает основание думать, что „Сев. Поч.“, при общей поддержке своих рабкоров, не умрет и будет жить.

Успех журнала зависит от нас самих, от нашего активного сотрудничества в нем.

Безусловно, те пожелания и нововведения, которые замечены нами по анкетам, будут проводиться в жизнь. Главное внимание наше будет уделяться жизни и быту мест, но и места не должны забывать, что „Отклики с мест“ и „Союзная жизнь на местах“—эти отделы нашего журнала—питаются исключительно корреспонденциями с мест.

К. К.—н.

ХРОНИКА.

Рабочий день раз'ездных почтальонов в почтовых вагонах. Постановлением третейского суда 19 октября 1923 г. для раз'ездных почтальонов в почтовых вагонах и на пароходах установлен 8-ми часовой рабочий день, а в месяц 184 часа.

Работники связи и курорты. ВЦСПС раз'яснил, что при направлении в дома отдыха, санатории и курорты работников почты, телеграфа и телефона, работающих непосредственно на производстве, следует приравнять к индустриальным рабочим. Как служащих, можно рассматривать лишь лиц, занимающих административные должности, а также работающих в управлениях и канцеляриях, как управлений округов Связи, так и самих предприятий.

К испытанию техперсонала. Проверке знаний у техперсонала должны подвергнуться как механики, так и надсмотрщики. Для механиков требуется общеобразовательный ценз в объеме школы 2-й ступени (семилетка) и специальные предметы как-то: механика, химия, электротехника, телеграфия и телефония, телеграфостроение, практические работы в мастерских, манипуляция, черчение, телеграфные измерения, радиотелеграфия и двигатель внутреннего сгорания. Для надсмотрщиков—общеобразовательные предметы в объеме 1-й ступени, а специальные те же, что и для механиков, но в общеосведомительном характере. Для всех техников необходимо знакомство с общественными науками (политграмота и т. д.). Учебными пособиями могут служить: по аппаратам Бодо—Пашинцев, Уитстон—Олежневич или все союздей-

ствующие, Яблоновский, Электротехника, в курсе физики Краевича (полный) или Александрова или же Фролова. Телеграфное строение—Писаревского, Глембодского или Ошовского; телефония—Гречихина или Ошовского; исправление случайных повреждений—Фунтикова. Некоторые из указанных учебников можно получить через издательскую часть Наркомпочтеля.

Выдача пособий по временной трудоспособности. Работники предприятий тех местностей, где не имеется страховых касс, испытывают значительные затруднения при получении пособий по фонду „А“, т. е. при временной утрате трудоспособности. Для устранения этих неудобств предполагается в самое ближайшее время установить выдачу таких пособий непосредственно самими предприятиями Связи, для чего в распоряжение ведомства будет оставлен фонд А.

Включение телеграфистов, радиотелеграфистов и телефонисток в список особо вредных работ. Наркомтруд постановил дополнить список особо вредных работ, на которых устанавливается сокращенный рабочий день (6 часов), включив в него телеграфистов всех систем, радиотелеграфистов и телефонисток городских, междугородных и загородных телефонных станций. (Постанов. от 9 I—24 г., № 12305).

Размер единовременных пособий служащим. Наркомтруд утвердил нормы единовременных пособий в следующих размерах: пособий на предметы ухода за новорожденными—80% бюджетного набора; ежемесячно, в течение

9 месяцев. на кормление—20%; единовременное на погребение—80%. Пособия определяются в червонном исчислении по местным индексам товарного рубля на 1-е число месяца, за который они выплачиваются, и переводятся в совзнаки по курсу дня выплаты.

Допущение выдачи пособия по временной нетрудоспособности вперед. Согласно цирку. НКТруда от 1/п - 24 г., при длительном отпуске по болезни, с выездом за пределы места постоянного жительства, пособие может быть, по желанию застрахованного, выдано вперед за все время отпуска. В таких случаях никакие последующие перерасчеты по курсовой разнице и доплаты не допускаются.

Ночной труд женщин. НКТруд РСФСР издал циркуляр, в котором предлагает не чинить особых препятствий к производству ночных работ женщин в тех случаях, когда недопущение их грозит увольнением или понижением квалификации. Это не касается женщин беременных и кормящих грудью и подростков.

Об охране труда грузчиков. Наркомтруд 14/п с.г. издал постановление об охране труда грузчиков. Согласно постановления к погрузочно-разгрузочным работам не допускаются подростки до 18 лет и женщины. При погрузке тяжестей весом более 3-х пудов одиночная работа грузчиков не допускается. При перемещении грузов свыше 5 пудов, одного места, грузчику должны быть даны простейшие приспособления перевозки; при перемещении одного грузового места, свыше 30 пудов, в распоряжение грузчика должны быть предоставлены блоки, лебедки, домкраты или др. специальные механические приспособления. Все грузчики должны быть снабжены спецодеждой.

Помощь безработным. В марте помощь безработным членам союза установлена в размере: для семейных— $\frac{3}{4}$ ставки 1-го разряда и для одиночных— $\frac{1}{2}$ ставки. За округлением, размер пособия выразился в следующем: по Вологодской губ., для семейных—7 р. 50 к., для одиночных—5 рублей; по Архангельской, для семейных—8 р. 50 к. и одиночных—5 р. 75 к.; по Вятской и С.-Двинской—8 руб и 5 р. 50 коп.

Дома отдыха. Окружным Правлением к организации дома отдыха в Ермолове приступлено. Из союзных средств на организацию дома отдыха ассигновано 300 руб., получено из Центра 250 руб. Таким образом, с материальной стороны этот вопрос является обеспеченным. Для работников Вятского района зарезервировано 3 койки в доме отдыха, орга-

низуемого Вятским Губпрофсоветом, при чем на этот предмет отпущено 120 руб. золотом из союзных средств и 60 руб. недостающие предложено Вятскому райправлению изыскать на месте.

Поднят вопрос перед Ц. К. и Наркомпочтелом о разрешении на бесплатный проезд в почтовых вагонах членов союза, едущих в дома отдыха.

Пятый пленум окправсвязи. Пленум созывается на 1-е апреля. Повестка дня: 1) отчет Президиума, 2) доклад Управления округа, 3) созыв окружной конференции, 4) доклады с мест и 5) текущие дела. На Пленум приглашены только члены Пленума, работающие на местах в Вятке и Архангельске.

Перевыборы рабочкомов. Проведены общие собрания для перевыборов рабочкомов в Онеге, Никольске, Омутнинске, Котельничке, Каргополе, Сольвычегодске, при чем первые четыре обслужены членами Президиума Окружного Правления. В Онежский рабочком избраны т. Попов (член партии), Рогатых и Валявкина. В Никольский—т. Кулев, Красиков и Копосов. В Омутнинский—т. Смирнов, Конышев и Романов. В Котельнический—т. Храмцов (чл. партии), Резанов (кандидат) и Румынский. В Каргополе—т. Григорьев, Лобко и Леонтовский. В Сольвычегодске—т. Бояркин, Воронов и Дубровин. Общие собрания прошли довольно оживленно и деловито. Рабочкомы почти на всех собраниях подверглись деловой критике. Вынесен целый ряд практических указаний о деятельности рабочкомов в будущем; в частности—почти на всех собраниях указывалось на слабость обслуживания рабочкомами членов союза в сельских местностях.

Общество Красного Креста и работники Связи. В В-Устье на общем собрании работников Связи по докладу об обществе Красного Креста постановлено коллективно вступить в члены общества.

Кооперация и работники Связи. Работники Связи, при проведении кампании по добровольному членству в кооперации, на общем собрании, почти повсеместно, единогласно вступают в члены кооперативов; в частности—работники Вологодского узла на общем собрании единогласно высказались за вступление в члены гор. ЕПО, в Устье—тоже и в некоторых других местах.

Смычка с крестьянством. Работники Котласской п.-т. конторы выписали для крестьян разных волостей Сольвычегодского и Никольского уездов 92 экземпляра «Крестьянской газеты», с целью продвижения этой газеты в деревню, популяризации ее и осуществления смычки города с деревней. Вызывают последовать их примеру работников Устьсы-

сольской, Сольвычегодской, В.-Устюжской и Никольской контор.

Памяти надсмотрщика Мерзлого. Тов. Мерзлый—надсмотрщик Сурского отделения Пинежского уезда служил в ведомстве с 1918 года. Вынес на себе всю тяжесть работы в прифронтовой полосе 1919—20 г. г. в Пинежском районе. Оказывал своей самоотверженной работой громадную пользу для дела Связи в прифронтовой полосе и на фронте. На этой работе он окончательно подорвал свое здоровье, и 9-го января 1924 года его не стало. Тов. Мерзлый помер от туберкулеза легких.

8 марта у работников Вологодского района. Общее собрание, посвященное

дню 8-го марта, собрало небывалое количество участников собрания—276 человек. Повестка дня: 1) Международный день—8-го марта. 2) Денежная реформа. По первому докладу единогласно принята резолюция, заявляющая о необходимости принять—все меры к выполнению заветов ИЛБИЧА о вовлечении женщин в активную общественную работу, а также принять меры совместно с другими союзами к практическому осуществлению создания учреждений, способствующих раскрепощению женщин от домашнего хозяйства и затем—усилению помощи женщинам безработным и беспризорным детям.

Почтовый ящик.

Афанасьеву—Вопрос, затронутый в заметке „Катавасия“, уже исчерпан. Заметка—„Что было в деревне“—уже потеряла свою злободневность. „Батюшка без доходов“ и „Старый почтелец“—ничего не говорят. „Старик умирает“ и „Северная зима“ для печати совершенно не годятся.

Такие стихи, как—
„Уж очень зябнется в морозный день
зимой,
Редкий воздух—морозной пылью дышется,
Скрип, шелест слышится, трескучий зной,
Не краше солнце месяца холодной порой“...

Согласитесь сами, что это—сплошной набор слов.

В-Устюг. *Ангичу*—Вашей заметкой воспользовались для „Курьезов“. Ждем Ваших корреспонденций.

Федсер—В заметке „В провинции“ не указано—о каком именно учреждении идет речь и не указан Ваш адрес. Постарайтесь сообщить то и другое.

Кирсинское. *А. К.*—Ваша корреспонденция, подписанная одними лишь инициалами, не пойдет. Назовите себя.

„Канцеляристу“—О „Сев. Поч.“ мы уже писали фельетон в этом-же роде, а потому—„Живое слово находит отклик“—не пойдет, тем более, что в настоящем № помещена статья „К годовщине нашего журнала“. Ждем от Вас следующих корреспонденций.

Филимонову—„Елка по новому“ запоздала, интерес свой уже потеряла. Не пойдет.

Пономареву—Вы пишете:

„Все привычки бюрократов
Есть ненужный сумасброд,
Ближе к массам пролетарским—

Завконт, сторож и накр,
Да совместными трудами
Сбросим роковой порок“...

Правильно. Давно пора. А только...
пришлите нам что либо прозой.

Шестакову—„Сон“—не пойдет.

Николаю Шанинчу—„Краткое описание поездки в Одессу“ не пойдет, ибо ничего интересного в этой заметке не заключается, кроме резкой перемены климатов, что Вы наблюдали. Было-бы куда интересней, если-б Вы описали жизнь санатории, где Вы лечились.

Вторая заметка—„Барометр“ тоже не пойдет: никому не интересно знать—кто в кого влюблен. Какое нам дело до личной жизни работников, которые, в данном случае, не заслуживают печатного смеха. Пишите о деле.

Шаньгину—Своей корреспонденцией Вы, по существу, ничего не сказали. Пишите еще.

Наблюдающему—Курьезные случаи, описанные Вами,—совсем не курьезны: так и отзывают грубой подделкой под мужицкую речь. Пишите еще, в другом роде.

Коловангину—На заметку „О кожаной обуви“ извещаем, что по колдоговору сапог надсмотрщику не полагается, полагается лишь, как Вам д. б. известно, полушубок, валенки и теплые рукавицы (для зимы).

На другую Вашу заметку раз'ясняем, что на культработу отчисляется $1\frac{1}{2}\%$ с зарплаты. Деньги разассигнованы на места—по райправлениям и рабочкомам, в зависимости от развития культработы и возможности наиболее целесообразно их использовать. Указанная Вами сумма 2710 рублей приходится а

4 месяца на весь округ, с количеством членов свыше 3000 человек. Сумма—очень незначительная. во всяком случае—совершенно недоющая возможность выписывать на каждое предприятие газету или журнал за счет культуры.

Светлячку—„К труду“—слабо. Не пойдет. Статью—„Из минувших дней“ поместим в одном из ближайших номеров. Пишите.

Движанинову—„Картинка с натуры“—мелочь. Ваша ссылка на распоряжение 1869 г. воскрешает в памяти старого чиновника. Мы сейчас можем обходиться и без этого административного устава: администратор нашего времени должен служить не по уставу, а соотноситься с требованиями новой жизни, не залезая в виц-мундир старого администратора — „человека в футляре“.

Шелкову—Нормы технических участков переработаны в центре и получены в уокр, куда и передана Ваша заметка—„Деление технических участков“, для сведения при распределении линии по новым участкам.

На Ваш отдельный вопрос, уведомляем, что имея в виду условия службы в Плесецкой, на перемещение за счет ведомства рассчитывать есть возможность. Необходимо подать соответствующее заявление.

Савельеву—Полученные 20/xi—23 г. от Устьсысольского рабочкома 1617 р. в фонд воздухофлота, переданы в Цека.

Могилеву—Декрета о выдаче компенсации за работу 7 ноября, 25 декабря, 1 января и 28 февраля не было. Если такая компенсация была выдана Уральским округом, то таковая выдавалась в порядке частной инициативы.

Снижение в разрядах произошло благодаря переходу со старого квалификационного списка на новый. По отношению Вятского ж.-д. п. о. отступлений от нового квалификационного списка не допущено.

Дежурящему—Совершенно не обязан и не должен. Время пребывания работника в предприятии, по распоряжению администрации, должно входить в счет рабочего времени и в случае переработки должно компенсироваться или выходными днями или выплатой сверхурочных.

Гаркинову—На заметку Вашу извещаем, что вычисление зарплаты сделано Вами не совсем точно, ибо Вы не

руководствовались колдоговором: ставку в товарном исчислении на 8-е Вы перевели на 8-е же в золото, тогда как она должна переводиться по курсу на 15-е. В результате—курсовая потеря выражается не в 9 руб. 69 к., а только в 1 р. 40 к и плюс пени за один день.

Другая Ваша заметка „Почта с этапом“, как относящаяся к периоду 1919 г., интерес свой уже потеряла. Шлите более злободневный материал.

Д. Шеллинскому—„Эксплуатация конюхов“ и „Письмо в редакцию“ используем в следующем номере.

Пундуга. Голос—Заметка о зачитывании газет послана на расследование. Если подтвердится, напечатаем.

Другая заметка о симпатиях завуча к попам не заключает в себе ничего определенного.

Логову—О чем Вы пишете—обручались ли Ваш объект законным браком или поет на клиросе? Напишите яснее. Другая заметка — „Безхозяйственность или что“—для печати не существенна. Передана в Уокр, для расследования.

Лекшиозерское, Завтред—В заметке „Дождался“—ничего существенного нет. Другая заметка о переводных операциях направлена в уокр, для соответствующих мероприятий.

Устюг. В. К.—По поводу не удовлетворяющего Вас ответа на вопрос г. Печинкина, мы, ведь, и не говорили о том, что низшим категориям не следует увеличивать содержания, как не говорили и о том, что содержание надсмотрщиков повышать не следует.

Сапожникову—В заметке „Параллельные почты и оказии“ нет никаких конкретных указаний, нового ничего не сказано. Не пойдет. Другая заметка—„О приеме посылок в долг“—широкого интереса не имеет, передана, для сведения, в Уокр.

Милову—Ваша корреспонденция отослана в рабочком—для выяснения.

Скромному—Заметкой „Из воспоминаний старого прошлого“, возможно, при надобности, воспользуемся.

Ф. Насонову, Вен. Головину, И. Солоницу, Н. Михееву, А. Попову, Н. Чебукину, Василевскому, А. Боролюкову, Киньшеву, П. Дроздову, Максиму, Архангельск, — У., Советск—Жало, Тотьма—Канцеляристу. Сольвычегодск—Чик. Рыдовому и Советск—Очевидцу. Ваши рукописи, полученные в момент набора № 3, будут просмотрены к следующему номеру.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ

Северного Окргправсвязи за февраль месяц 1924 года.

НАИМЕНОВАНИЕ СЧЕТОВ.	Оставалось к 1 фев. 1924 г.		Поступило в феврале.		Всего.	Израсхо- довано в феврале.	Остаток к 1 марта 1924 г.	Примечания.			
	Деб-т	Кр-т.	Деб-т	Кр-т.							
Счет Членских взносов	545	91	1310	90	1856	81	1105	54	751	27	По сч. членск. взносов. Израсходовано: 1. Адм.-хоз. расходы: а) Сод. по- Р. к. мещ., отопл., освещ. 17—60 б) Канцел. расходы 67—44 в) Разн. мелк. 5—82 2. Содерж. штата: а) Сод. личн. состава 471—10 б) Страхов. взносы, 47—40 3. Орг. расходы: а) Команд. 18—70 б) Съезды и плен. 31—35 в) Текущая пресса 40—60 (газ, журн) 4. Перечисления: а) Ц.К. Связи 196—64 б) ГСПС. 67—80 в) Культф. 131—09 Итого 1105—54 По счету Культфонда: Разассигн. на места 35—60 Помощь Раб- фак и Вузовц. 22 — Типогр. и др. расх за журн. „Сев Поч.“ 506—61 Итого 564—21 По счету счод. Рабочном: Содер. личн. сост. рабочк. 1181—34 Сод. уполн. 15—38 Стр. взносы 23 — Орган расх. 80 — Отч. в культ. 111—84 Высл. канц. прин. 88—41 Итого 1499—97
„ Культфонда	764	53	420	12	1184	65	564	21	620	44	
„ Содерж. рабочном.	184	39	1118	42	1302	81	1499	97	—	—	
„ Фонда безработн.	562	—	262	84	824	84	92	02	732	82	
„ Ц.К. Связи (переч.)	347	69	196	64	544	33	—	—	544	33	
„ Г.С.П.С.	37	19	67	80	104	99	71	32	33	67	
„ Переходящ. сумм	103	44	1083	85	1187	29	1682	43	—	—	
„ Разн. лиц и учред	115	37	105	36	220	73	228	92	—	—	
„ Окргправсвязи . (капитал)	469	32	5	59	474	91	—	—	474	91	
ИТОГО	3128	84	4571	52	7701	36	5244	41	3157	44	
БАЛАНС за февраль 1924 года.											
НАИМЕНОВАНИЕ СЧЕТОВ.	ОСТАТКИ к 1-му фев- раля.		ОБОРОТЫ за февраль.		ОСТАТКИ к 1-му марта 1924 г.						
	Деб-т	Кр-т.	Деб-т	Кр-т.	Деб-т.	Кр-т.					
С-т Кассы	662	—	5946	30	6430	13	178	17	—	—	
„ Тек. сч. в Комб.	1079	60	—	—	—	—	1079	60	—	—	
„ „ „ Госб.	20	—	—	—	—	—	20	—	—	—	
„ Труд. сб. кассы	1087	—	2655	—	2940	—	802	—	—	—	
„ Ценностей	96	72	9	21	30	25	75	68	—	—	
„ Подотч. сумм . . .	184	52	357	57	240	59	301	50	—	—	
„ Ц.К. Связи	—	—	347	69	196	64	—	—	544	33	
„ Г.С.П.С	—	—	37	19	71	32	—	—	33	67	
„ Членск. взнос . . .	—	—	545	91	1105	54	—	—	751	27	
„ Культфонда	—	—	764	53	564	21	—	—	620	44	
„ Содер. рабочк.	—	—	184	39	1499	97	—	—	197	16	
„ Фонда безработ.	—	—	562	—	92	02	—	—	732	82	
„ Переход. сумм . . .	—	—	103	44	1682	43	—	—	495	14	
„ Разн. лиц и учр	—	—	115	37	228	92	—	—	8	19	
„ Курсовой разн . . .	—	—	—	—	3	33	—	—	—	—	
„ Окргправсвязи (капитал)	—	—	469	32	5	59	—	—	474	91	
ИТОГО	3128	84	3128	84	14215	82	14215	82	3157	44	

Предокргправсвязи Ганичев.

Бухгалтер Крупин.

Типо-литография
„СЕВЕРНЫЙ ПЕЧАТНИК“.